

АРТУР НОВИКОВ СКОМОРОХ БЕЗ МАСКИ

Артур
НОВИКОВ

СКОМОРОХ
БЕЗ МАСКИ

БИБЛІОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Артур
НОВИКОВ

СКОМОРОХ
БЕЗ МАСКИ

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.8'19-2
Н73

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована в 2023 році

Новиков А.

Н73 Скоморох без маски / А. Новиков — Друкарський двір Олега Федорова 2024 — 272 с.

ISBN 978-617-8252-64-9

Артур Новиков, киевский одессит, или одесский киевлянин, как кому больше нравится, по роду занятий поэт, публицист, прозаик, сценарист, критик.

Долгое время работал с Посольством Казахстана в Украине, МИДом РК и параллельно с алма-атинской епархией, создал первый сайт Кафедрального Свято-Вознесенского собора, который и администрировал почти 6 лет, до 2018 года.

В книгу «Скоморох без маски» вошли стихи, написанные в последние годы, а также сценарий и критическая статья.

УДК 821.161.8'19-2

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8252-64-9

© Новиков А., 2024
© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

«В ПЕСТРОМ ПЛАЩЕ СКОМОРОХА...»

Странная, но в то же время, банальная мысль приходит, когда знакомишься с новым для себя текстом неизвестного тебе автора: не есть ли эти строки чем-то, уже давно существующим, кем-то и когда-то уже написанным, сказанным, продуманным, изреченным?..

И это предупреждение о том, что не стоит обольщаться неведомым, что всё уже давно написано, уничтожает свежесть восприятия, превращая новый текст в некую тень забытых предков. Или неведомых предшественников.

И я, как всякий читатель, блуждающий в лабиринтах чужой памяти и чужих переживаний, накопившихся за время существования человека и ища в них ответа на свои душевные проблемы, обнаруживаю, что чувства человека не эксклюзивны — они повторяют и повторяются в некоем закономерном беспорядке духовного пространства, в котором человек обнаруживает себя «как они»...

Говоря иначе, каждое литературное изобретение — это всегда интерпретация уже пережитого и высказанного кем-то и когда-то, и его особенность проистекает благодаря авторской интонации и уникальности его жизненного опыта.

И это означает, что, единожды возникнув, тема и ее художественная интерпретация будут воспроизводить себя снова и снова, до бесконечности.

Считается, что есть, по крайней мере, два способа прочтения текста.

В первом случае мы акцентируем свое восприятие на динамике события, вступаем в заданный автором поток пространства самого текста.

Подчиняясь ритму чтения, рационально выраженное желание ведет нас вперед с тем, чтобы узнать, что произойдет дальше, какую тайну мы познаем...

При втором способе чтения мы не пропускаем ничего.

Здесь важно каждое слово, фраза, интонация, оборот, намек, вносящие дополнительное ощущение образа.

Мы детально изучаем рельеф текста: складки, разломы, разрывы, смещения, потаенные смыслы слова и образа, оставаясь на одном месте...

В первом случае доминантой выступают горизонт, протяжённость и динамика и интрига сюжета.

Во втором — паузы, задержки притягивающие внимание неожиданным ощущением нового содержания слова...

Но какое отношение имеет сказанное к стихам одессита Артура Новикова? Отнюдь не прямое. Но...

Как всякое постмодернистское восприятие окружающего мира, перекодированное в новое для себя пространство художественного текста, оно воспринимается с долей условности, напрямую связанной с возможностью читателя, которому оно адресуется принять участие в качестве равноправного соавтора.

И здесь А.Новиков производит инверсионный прием — то знаковое для культуры явление, которое традиционно обозначается как безусловно и благоговейно позитивное, в силу нарочитой брутальности автора, воспринимается как событие профанное. Автор произвольно демифологизирует его, приближая к событию обыденной повседневности и лишая прежней аксиоматичности, скрывая этим свою перед ним застенчивость.

Это, как на картине Рембрандта, когда апостол Петр обращается к Мессии как к соседу, живущему этажом выше...

От пафоса при обращении к моральным и духовным раритетам, автор защищается эпатажем. Но в этом эпатаже содержится намек читателю: ценя безусловные и нормативные ценности прошлой культуры, полагайся на себя. И это — не цинизм и не брутальность, а призыв к самодостаточности, не допускающий собственного унижения.

*Рустем Жангожа,
Киев*

I

УТРО В ПАБЕ

с утра бухают невидимки
под плеск трезвеющей волны
и наблюдается на снимке
немая прелесть тишины

песок хрустящий под шагами
пивная пена на столе
кто незаметен тот и с нами
живет в бутылочном стекле

над пляжем в облаках бакланы
шезлонги утренне чисты
а за морями в дальних странах
страннее Уорхола мечты

там в пустоте рисует Бэнкси
пейзаж невидимого дня
и рукоплещет бармен вместе
с ничем нигде но для меня

* * *

Я нахожу ненайденные вещи
Что в мире что в себе что просто так
То скрытое что кажется зловещим
То явное в чем неба виден знак
И кажется сродни Экклезиасту
Переживу и слово и язык
Весь опыт что скопился так напрасно
Всю память как один короткий блик
И на плоту где девочка Геката
Играет с мотыльками над огнем
Напьюсь вина забвения с Пилатом
К Иешуа мы позже с ним зайдем

* * *

Желток
Трава внутри песка
Пляж пуст
Провисли облака
Случайной птицей воздух рвет
На сизых вод неслышный ход
Безлюдье
Видимый предел
Как странно берег опустел
И ни следа на плёсе нет
Ни тени
Свет
Бездонный свет
Возможно где-то города
Аэропорты поезда
Кафе метро карманы дня
Но в свет зашёл —
и нет меня

* * *

поставлю с утра Альбинони
адажио скрипки с органом
достану селедочки с луком
немного налью: полстакана
Вивальди с утра эксцентричен
затаскан и слишком известен
а скрипка с органом — прилично
и мир не настолько уж пресен
Томазо торжественно плавлен
звучит музыкальным сфумато
вторые налью полстакана
глоток за глоточком — стаккато
торжественно скрипки вступают
орган гармоническим фоном
пора закурить — это свято
и третий стаканчик наполнить
селедка лежит на тарелке
наброском к вечеру да Винчи
и жизнь уж не кажется мелкой
гармония в малом отлична

* * *

Тепло
Под лампой мухи роем
И недоеденный кебаб
Который день идут гастроли
Не помню город
Так ослаб
Стакан наполню и в гримёрку
Актер на сцене не умрет
Шекспир сегодня
Завтра Лорка
И Достоевский — Идиот
Бухает прима с режиссером
Две скрипки — в стельку
Как играть?
Но все покроет Терпсихора
От Еврипида — наша мать

* * *

бутыль гитара?.. нет Верлен
а может так — сплошной Вертинский?
но что сравнений бранный тлен
далекий ли когда-то близкий
мелькнул серебряный фонарь
от Петербурга до Берлина
эпоху может быть и жаль
была! была! теперь былина...
шампанским вылит Пляс Пигаль
Курфюрстендамм строфой забытой
и не есенинская даль
помашет издали ракистой
сезаны времени ушли
сезоны вечности настали
по звездной движемся пыли
в неканонической скрижали
мы собиратели эпох...

* * *

леди
одна не танцует
бликуют на стеклах
следы поцелуев
в ванной слегка аромат
deja vu
полотенце забилося плачет в углу
недопитая чашка
опрокинут стакан
кто уходит? — она
докурила Gitanes и захлопнула двери
смех сирени на крышах
sa va bien ma Paris
мы по-прежнему дышим
что поставить? не знаю
скрипит тишина
настоящая леди
не танцует одна

* * *

никто не проснулся
никто и не спал
пусты зеркала
да и нет тут зеркал
а люди? — все вышли
вернутся? когда
из пепла в золе
воссияет звезда
и ангел бескрылый
псалом пропоет
на острове Патмос
какой это год?
какое-то время
от тела Христа
да кто ты и где?
я твоя пустота

* * *

спит бульон... пардон Болонья
тихо плещется вода
облака налились кровью
это утро господя
солнце рыжее как купол
над лысеющей горой
пусто в городе и гулок
шаг по влажной мостовой
ты без цели? как обычно
кофе столик Gauloise
чуть горчит но вкус отличный
что ж привычки держат нас
в мелочах хранится память
сам страница о себе
что сберечь а что оставить
а кому? да хоть судьбе

* * *

виноваты? — молоток и гвозди
а еще случайная рука
всё без зла
ну скажем так: по просьбе
с деревом сомкнулись облака
раз соприкоснувшись не расстались
крылья с прахом
глина и кувшин
и взошли по лестнице без страха
ангел и Иаков до вершин
приоткрылась радуга и снова
спицей время в пряжу бытия
струпья стали жемчугом Иова
Моисея встретила Земля
расцвела сакура над Содомом
над Гоморрой яблони в цвету
а с Пилатом парень незнакомый
шел с вином и тернием к кресту

* * *

Алкоголь не проблема, проблема в другом.
По ночам я вижу мертвых собак,
бегущих за мертвыми котиками.
— Ату их! — кричат мертвые куклы
в платьицах-бабочках.
А ночи безлунные людные.
В смысле трупов много, не зомби, а как их?
Чисто скоропостижные.
Шатаются, тень не отбрасывают (луны нет)
и все роются в чем-то.
Найдут там чего, жуют и воют.
Муторно так, как по Гоголю из ненаписанного.
А там снова куклы. Пластмассовые, много их.
И как волны в прибой, одна другая.
И лежат.
А по ним котики бродят.
И псы.

* * *

умру коты на крышах взвоют
возникший ниоткуда снег
покроет белой пеленою
чердак — последний мой ночлег
дремучие печные трубы
сыграют реквием и ночь
прощально поцелует в губы
печально удаляясь прочь

* * *

на средиземных берегах в Малаге
соленый ветер треплет паруса
распахнутое солнце долгим летом
уютно до дрожания ногтей
причудливо как веер папуаса
холодное марсельское вино
и дождь с утра в лиловый свет Парижа
поэты лгут живое не для строк
слова и чувства редко совместимы

* * *

я слышу внутри голоса
то Баха то звон колокольный
стаккато синиц в небесах
Неаполя речь и Ливорно
по радужке каплет апрель
зрачки декабрем затянуло
натура как темная дверь
как кольта височное дуло
когда-то сходили с ума
теперь ни перил ни ступеней
а может быть просто зима
застыла на мерзлых коленях
и гулко пинают гранит
сабо пилигрима-уродца
что к дому глухого спешит
из дома всходящего солнца

* * *

в голову залетают разные птицы
вьют гнезда
как в бойницы стучатся в глазницы
как будто они в осаде
и что же им надо
навязчивые совы
ухают в мозг всю ночь
воробьи бестолковы
но утро и они сразу прочь
голова как скворечник
расщелина или дупло
и давит на плечи
вот точно не повезло
мысли в помете
в старом пухе и скорлупе от яиц
ну а вы как живёте?
каких предпочитаете птиц?

* * *

если ночью свет внезапный
значит ангел вдоль окон
снова бродит то ли запил
то ль в земную твердь влюблен
спит себе крылом укрылся
нимб лежит под головой
утром солнца колесница
заберёт его с собой
от небес любой устанет
и от вечности тоска
бог ли нет тебя направил
отдохни мой друг пока

* * *

слова вертикальны как колья
так хрупко и ломко стоят
то сиплою кашляя хворью
то строя фонический ряд
то изгородь сада живая
то лагерной стынут стеной
как Бунин — аллея ночная
как Лавкрафт — простор ледяной
скребутся доверчиво руны
скрипит клинописный язык
продернул в безмолвие струны
забавный небесный старик

* * *

люблю прощания и слезы и платочки
на посошок по рюмке все до точки
до пьяных слез на слизистом перроне
последних взмахов из окна в вагоне
до скорого! и тронулся состав
хмель в голове

над полкою привстав
устраиваешь вещи в путь-дорогу
прощай!

куда?

отсюда слава Богу...

* * *

Улицы просеяны мукою,
на зубах скрипящий мерзлый вкус.
Фонари ведут меня к покою
декабря, мой добрый Иисус.
Ты молчишь, и нимб неверным светом,
как неон, вскрывает темноту.
Я встречал тебя, ты помнишь, летом
на речном прошарканном мосту.
Ветер бил волной серей шинели
в облаков иссизо-синий строй,
я просил — алтайские капли
подари мне осенью сырой.
Я просил, но тихая улыбка
от Тебя сошла в иконостас.
Что ж, мечта невидима и зыбка,
но она хранит Тобою нас.

* * *

декабрь — декада
от римских ворот
in finitum strada
ad cielo
вот год
свернулся в клубок
укатился за печь
пора бы и нам
возле года прилечь
и вместе листать календарь до зари
ad fine по снегу
бредут декабри
в метельных плащах вереницей
бело
и новое время стучится в стекло

* * *

Грядет 17-й, грядет
Он раз на век хвостом кометы
Из черных в красное высот
Сметает прошлое планеты
17 — словно без лица
Ни века ни число не имя
Начало вечного конца
Огня сходящего в полымя..

* * *

окончен бал дожрали апельсины
лакеи допивают периньон
последний гость от рома буро-синий
с кухаркою танцует котильон

хозяева считают все ль приборы
и вспоминают кто и с чьей женой
вел под шампань игривы разговоры
а кто блевал с веранды чуть живой

уставший именинник сняв подтяжки
с фужером водки мучает рояль
и вспоминает чьи он трогал ляжки
почесывая пятку об педаль

ПАМЯТИ САШИ ЧЕРНОГО

раньше третьих петухов

раньше Понтия

Фавора

раньше мира всех основ

нетворимого простора

слово каплею в ладонь

как зерно в сырую пашню

мимолетного не тронь

пусть летит за настоящим

* * *

Придут ли сны любви случайной
Иль неизвестность в тишине
Покрыт ли день грядущий тайной
Иль ясен как звезда в окне
Что Рождество заносит снегом
Поет что путнику метель
Все для души открытой нега
Ключом ей слово
Слово «Верь»

* * *

фрoг
лягушка из тумана
на болоте ждет Ивана
и блестит корона тонко
всхлип ребенка
звездно-звонко
фрoг
изваяна из тени
совпадения прочтений
сказок читанных под сон
а Иван?
где бродит он?
а там в царстве тридевятом
две избушки три заплаты
да межа, забор, корова
ну и трон
не очень новый
ищет молодец колчан
выпивает пива жбан
и ступает по судьбе
с царства сонного к тебе

* * *

Вера Холодная хладно ходила по студии
хладность ее волокно составляла кино
кадры прелюдии плавно скользили безлюдено
ломкой слюдой заэcranного ока в окно
и беспечально по клавишам тапера паперти
щелкали звуки как пули вдоль Невского вдаль
флаги рвались лоскутами на бранные скатерти
трупы ложились кинжально в скрижаль за скрижаль
белый матрос белый призрак безлюдного Зимнего
ждал папирос заходя в преисподний притвор
мир опрокинулся в невидаль нови невиданной
синематограф, наган, стенка, выстрел в упор

* * *

нужен ли мне Есенин?
тоже скажу — зачем?
жизнью усталый гений
лирник понятный всем
берестой в ночь сгоревший
Русью былой налит
миру себя опевший
им же вполне забыт
только случайным словом
как по стрехе щеглом
да, умирать не ново
вспомним порой о нем..

* * *

Жил как-то поэт
Звался Роберт Рождественский
Писал и о женщинах и о мужчинах он
Но больше о женщинах
Мы же поведаем
Смысл какой и какая причина в том
Женщины, что ж
Для поэта обыденно
Петь красоту в том, ином приближении
Слово звучащее кистью невидимой
Сводит мечту в навсегда из мгновения
Женщины в жизни
Когда в поэтической или в слесарной
Не суть нам подробности
Милым капризом и страстью языческой
Бытом привычным
постельной тревожностью
Жизнь сотворят что Версаль из эскиза
Женщины
Женщины, много ли сказано?
Что там слова когда рвется дыхание
В мире поэтов хватает там разных их
Женщина
Вот что венец и призвание

АМУРСКІЯ ВОЛНЫ

с добрым утром любимая здравствуй
а мне снятся твои смс
по утру их искать мне напрасно
видно сном моим тешится бес
знать заходит лукавый незримо
во пределы где сущее спит
невидимо душой уловимо
свое тайное дело творит
шагом тихим скользит шаловливо
в тайных комнатах сути моей
и небрежно-печально-красиво
ворох жизни кружит без затей
давним детством играет и днями
где с тобою я был как дитя
и кружится кружится со снами
и взлетает смеясь и шутя
что ему одинокие сказки
сна ли яви ему все равно
что души нераскрытые ласки
что разлитое жизни вино
он над снами неявный владыка
и струит их по долгой реке
что меж сопками странно и дико
волны жизни творит на песке
в Заамурье нехоженных странствий
в Забайкалье неспрошенных лет
с добрым утром любимая, здравствуй
снова утро, а значит и свет

* * *

не знаю жизнь не спорю о культуре
пишу травой завязанной на снах.
относится ли как к литературе?
спрошу у праха что оставил страх.
небытия ни слов ни выражений
и бытие как рифма на снегу...
у проходящей тени нет сомнений
как мимо текста нехотя бегу
пусть ускользает время сонной лапой,
мохнатой чешуей забавных слов.
от Понтия ты не возьмешь Пилата,
как не задуеть Жанну для костров.
прохожий обернется крайне редко,
да что ему, шагал там кто-то вслед?
есть сакура, окно и птичья клетка
сдох попугай и выключили свет.

* * *

вымой мир до молчания
стены белым закрась
кляпом заткни ожидания
слей задушевную грязь
выскобли полки обычая
до безымянного дна
страсти верни безразличию
слово души тишина
кельи оставим постигшим
мир оставляем себе
главное, братцы, потише
шум, он мешает судьбе

ПРОБА ЭСТЕТИКИ

я не могу учесть
твою персональную Вселенную
она ведь нетленная переменная:
она негорящая
солнечной полночью
она несветящая
зернами полыньи
она неслепающая
ветром от времени
она настоящее
бремя без бремени
и вот, разметав неподвижными пальцами
звездных голландцев с морскими скитальцами
с метеоритами и метеорами
всех бороздящих простор за просторами
в ракушке моря, Тирренского видимо
старый сюжет: так, довольно обыденно,
милая женщина в ритме ноктюрна
выткала счастье легко и ажурно

* * *

..ну что за глупая весна?
и в январе...
как необычно
за мной ли так пришла она
да впрочем что я
все о личном
но слякоть снежная вокруг
и буро-серый свет в оконце
ну пусть, январская весна
но раз приперлась, где же солнце?
где охреневшие грачи
и пьяный Суриков под ними?
погода, право, не молчи
не оставляй сомнений
с ними
я как кофейная бурда
в руках гадалки одичалой
весна январская
ну да
давай-ка брат
еще по малой..

* * *

надо в Прагу нам, подружка
где давно пивная кружка
нас заждалась
Старый Град
Влтава
Карлов мост
наряд
старой мистики Европы
там.. негромко
и не топот по бульжнику
шаги
Средневеженья круги
там так ясно ощутимы,
что сегодня? — как-то мимо
сказка готики вокруг
там заждались, нежный друг
твоих ног, твоей улыбки
что искрится чудно-зыбко
на гравюрах той эпохи
и слышны возможно вздохи
кавалеров тех времен
возле стрельчатых окон
ожидавших дам прекрасных
да, подружка, право ясно
нам пора
и пиво ждет
в кабачке, что у ворот

* * *

«...если она потрясающая...»

Боб Марли

Оставим Марли слово «если»
поговорим слегка о Пресли,
ведь все на свете рок-н-ролл
куда б по миру ты ни шел...
Предмет рассмотрим скрупулезно,
под микроскопом идеал,
нам Боб сказал весьма серьезно
об отношениях начал,
в которых Ева центр мира,
ну а Адам — придаток с лирой.
Вполне галантно и, возможно,
поверить на слово здесь можно,
но в чем изъяны идеала?
Да в том, что идеалов — мало!
И потому ища их страстно,
мы тратим время, что ужасно,
теряем деньги (если были)
и с каждым днем верней... забыли.
Есть примирительный акцепт.
Боб Марли истинный рецепт
мечты, приближенной к истокам.
Но нам (чтоб не нырять глубоко)
пожалуй Элвис подойдет —
Kiss, baby, kiss... любовь.
Зачет.

* * *

есть мир, планеты, звездный ход
возможны трон и эшафот
случайны деньги, сны, стаканы
есть дураки и хулиганы
бессчетны грани слов и света..
и все есть ты, моя Тинетта

* * *

мишка косолапый
старый рыжий клоун
да на хлебной крошке
в чистом поле вот он
шарик покатился
мир вокруг раздался
плюшевые куклы
пилигримы странствий
колобки скатались
стонут неваляшки
по углам забились
и блестят стекляшки
кукольных глазенок
что-то в мире страшно
как-то мир наш тонок
как-то все взаправду
все чего не ждали
но танцует клоун
и в кулисах тает

* * *

когда Солнце уйдет я на небе усну
на подушке рассвет вышью ниткой обычной
удаляется свет не затем чтобы в тьму
закружились дорожки по тени привычной
когда Солнце уйдет я возьму облака
заверну их в папирус залью синей глиной
не затем что поклажа моя нелегка
просто телом земли я на них не остыну
почему-то я знаю что Солнце уйдет
не привычной дорожкой отсвета до лета
там где времени нет есть у времени плот
безначальной реки у причалов ответа

* * *

Кто она?
Святой Грааль
снега ломкого печаль
переменный мотылек
от-ветра неба
Леди Сна
о чем она?
И Инанна и Луна
с воды до хлеба
Дама Смысла, Донна Слов
ну а ты кто?
птицелов
в вечных поисках даров
изгнанник Феба

* * *

когда бессмысленность всего
меня исполнит
и лопнет колба
с эликсиром мутным
то вспомню я
и непременно вспомню
одну
всегда заветную минуту
одесская квартира
ночь и жарко
и томность одолевшую истому
мы несколько часов с тобой сражались
ты уступила
я тебя заполнил

* * *

не раскаяние но легкая печаль
недосказанных слов забытых жестов
так на ладони тает невзначай
случайный снег нечаянного места
где вдруг зашел и вот она зима
где постучал а дверь была открыта
но комнаты пусты и кутерьма
царившая
утеряна и скрыта
здесь женский смех искрился разлетал
здесь милые глаза лучили сказку
но что теперь? блиставший миг пропал
так сладостно
доверчиво-напрасно
так нота в неоконченной строке
звучит не нами сыгранным этюдом
как что-то вдруг скользнуло по щеке
наверно память
нечто ниоткуда

* * *

Клементина из Сорренто
свет волны святая лента
современная наядя
в красных туфельках от Прада
тонко чудная тростинка
в красках позднего Вламинка
вся Мадонна всех желаний
необузданных познаний
эро-хит блокбастер оргий
что продлятся бурно-долго
но для избранных от мира..
не отвергни и сатира
что идет к тебе за пеной
сексом крашенной Вселенной..

* * *

мне не желанное желание
явилось как-то в тишине
и на ненужное свидание
свело по чувственной волне
и неким чувством озадаченный
от тени разума и снов
слепым предчувствием охваченный
повиновался я без слов
мы шли нечаянно-манительно
по странным рекам и мостам
а впереди так соблазнительно
ничто в ничём являлось нам
и эта томная эротика
и эта вязь со-бытия
была как призрачная готика
как Сен-Шапель иного я
и заступив под своды темные
вина не взяв с собой огня
куда неведомо ведомые
мы потеряли кто здесь я
и кто здесь тело кто возмездие
кто здесь экстаз кто торжество
совокупленье как созвездие
оргазм как ино-божество
и тем познав опустошение
изжав тела на синеву
сошли из времени в мгновение
себя явленных наяву...

* * *

деревянный мундир
строго в рост по уставу
так подогнан подбит
все на славу за Славу
рядом почести в ряд
что с прощальным салютом
у окопа стоят
рубежа вечность/утро
утра нового дня
жизни нового года
что не встретит меня
до Второго Прихода

* * *

забавно в радость голоса
и звук гитары полуночной
часы что жалят как оса
и время как заборы прочно
что делать в мире если блюз
так ощутимо мимолетен
что понимаешь только груз
никчемных лет пустых полотен
да слезы тягостны дружок
как память нищего собою
вот блюз волшебный посошок
что идиоту что плейбою
он как бескрайнее окно
отсюда прямо в Оклахому
а может в вечный Орлеан
тропинка серебра и к дому
спасибо нигер вечный блэк
тебе души моей спасибо
за этот вкус далеких рек
за все что просто и красиво
кто дышит блюзом тот и жив
не важно в прахе или теле
вся жизнь не боле чем мотив
когда-то встарь пропетый Еве..

* * *

тёрпко, папоротник, мята,
облака молочной ватой,
золотые кружева
утра неба синева
лёгко звон за облаками
кружат ангелы над нами
чай с лавандой в небе пьют
и смеются время тут
время там нальем-ка тоже
терпкий вкус у неба схоже
и мгновенья или нет?
утро
ангелы, привет

* * *

во что я верю?
чистому апрелю
развешу паутину под капель
на Новый год
открою настежь двери
пусть входит счастье
далее метель
о чем не знаю?
что за зеркалами
прядут старушки ниточками льна
куда девалась дева Навсикая
и что ей напевала там волна
о чем пишу?
о перемене мира
ведь он картежник
шулер — не сыскать
но мне равно
была бы только лира
частушки ль петь
тебя ли воспевать
да что все я?
поэты — идиоты
старатели забытых рудников
но я люблю
любовь — мне пишет ноты
она похоже любит дураков

* * *

мультфильмы, детские впечатления
мгновения
капли скольжение
волны перебор
и наплыв
закончилось детство, обрыв
а дальше по строкам Верона
не так чтобы чувства корона,
но точно томление крови
Джульетта
явление внове
и свежесть такая наивная —
вот чувство бывает взаимное
и сердце наверно для сердца
а дальше стаккато и скерцо
забавного парня — Гамлет
в него Смоктуновский одет
и лучшая сказка на свете —
Офелия снова к Джульетте
от юности в детство, обратно
мой мир до чего же приятно
внезапно разбить к ебням
весь взрослый накопленный хлам
слить нах*й в помойную яму...
а дальше
спокойно, упрямо
к ребенку по первой росе
verona
te laudem
esse

* * *

мне не мечтается не спится и не грезится
мне старой мельницы все кружат жернова
мука течет и тихо редко всплесками
вода в запруде — каплями слова
как на вечер постылый сумрак прядется
там за свечою в ночи полотно
так все кружат неотвязно что паяцы
мечты в судьбу судьба в веретено
да знаю ль, отольется ли, изменится
что та вода за мшистою стеной
уйти ли мне со старой жизни мельницы
к тебе ль дружок мой, свет мой слюдяной

* * *

мой батя был плотник бухал как скотина
мы жили в предместье Ершалаима.
немного подрос помогать стал батяне
работал помощником на пилораме.
папаша сбухался остался один
профессия — плотник призванье — раввин.
читать не умел шел по долам и весям
что книги — отстой мир куда интересней.
и так понемногу дорожные школы
случайные люди и нрав мой веселый
меня привели на пути откровений
несказанных слов непрожитых сомнений.
мне спутники были вода и тревога
да звезды ночные над вечной дорогой.
я не был предтечей не стал и пророком.
что было — моё остальное — до срока.

* * *

...сегодня валим из Эдема дозреют яблоки без нас.
бери мешок подружка Ева идем к Евфрату в добрый час.
придем и сразу посевная там вавилонские стада
устроим миссию и знаешь в трудах вкуснее и вода.
Земля пустынна и безвидна начнем с тобою род людской
ты как я вижу не фригидна а я так парень о-ё-ёй.
от всех начал и откровений с собою мы возьмем одно —
есть время быть а счет мгновений ведут любовь звезда вино

* * *

я посещаю жизнь периодически
побыл немного дальше прохожу
и вокруг меня вот так сомнабулически
кружится мир фигурой Лиссажу.
всё росчерки известной траектории
в системе кривобоких ординат
а хочется душой фантазмагории
мистерии где десять негрятят.
иль невпопад под грохот артиллерии
во вьюгу завернутся под Постом
и с Мышлаевским залп по кавалерии.
да в душу мать да в рот его штыком.
иззябнуть завалиться в сонной одури
не смыв кровавых пятен с эполет
иллюзии непрожитой истории
вернитесь в биографию корнет

* * *

мне говорят что сердце в струнах играет арфой
говорят
что по весне на новолуние ночные эльфы сходят в ад
берут за руки обреченных выводят их за дно из дна
все верно слухи
но тревожна
и сладко-чувственна весна

* * *

что знаю я о том чего не знаю?
спросил Платон
и греку отвечая подумал
что нам знание? — пустяк
в нем проку — побирушке на пятак
ему предпочитаю Эпикура
все — вожделье
истины натура

* * *

месса валькирий
сегодня безмозгло
время свернулось в горячке тифозной
синий асфальт обегает кварталы
белые стены
за ними вокзалы
поезд стекает зажеваны рельсы
ехать...
куда?
фаренгейт или цельсий
terra incognita
vita nuova
новый прыжок
за сознанием новым

* * *

Любимой быть не труд а дар
Как запах розе птицам пенье
Как рощам осенью пожар
Превощенного цветения

* * *

я молюсь
это верно язычество
постоянно ли периодически
я молюсь неизвестному идолу
что до времени был и невидимым
стал когда появилась история
вот такая вот фантазмагория
я молюсь
незнакомому демону
девам ночи прошедшего времени
духам ветра пустыни и пламени
что душой мое тело разбавили
я молюсь
между делом обыденно
той планете отсюда невидимой
где безвидные души скитаются
и ни-что из не-будет рождается
я молюсь
безответно и истово
дай мне камень
не хлебом единственным..

* * *

в тени на свету не уверен что важно
когда-нибудь я умру трусливо или отважно
кто там будет считать время сантиметры
на каждом своя печать по чину и будут ленты
в чем не упрекнут? наверное за чувства
что будет там где не ждут?
фантазия плюс искусство

* * *

труба апостола ночного включает свет в раю с утра
и говорит — вставайте снова — и говорит — уже пора
и в спальнях ангелы вздыхают вот день начался трудовой
и спиртом крылья протирают далекий от неба путь земной
одни на службу к Гавриилу другим начальником — Джибриль
полки небесные слетают в земные будни пот и пыль
спешат на службу к муэдзинам и в тени греческих садов
в начало мира — Палестину и Валаам — его покров
взмах крыльев тихо произносит где *in šā'Allāh* где *Dieu glorieux*
так шелестят к утру колосья так легок плеск ночных ручьев
кружат незримо — ощутимо Лас-Вегас, Мекка им равно
неважны страсти твои мысли, траву ли куришь, пьешь вино
с утра лаве на дозу ищешь спасаешь может шар земной
владеешь жизни полным смыслом, шваль иль подонок городской
как океан хранит все капли и свой песок хранит бархан
и кто твой бог по этой жизни что растаман ты что брахман
слетая небо входит в небо преображаясь до звезды
и каждый колос станет хлебом но вечны полыньи и льды

* * *

и далее предложены напитки
откинусь в кресле оно что раковина улитке
хорошо быть моллюском самолета Боинг
лучшего нет этот мир так устроен
облака утром вечером ночью
сосед не храпит улыбается точно
в своих снах он на детской площадке
и уже на посадку
чуть досадно. а впрочем
прекрасно
еще вот полет
и жизнь не напрасна

* * *

...розовая мебель
желтые обои
мы с тобой в дурдоме
нас в палате двое
с нами наши страхи
к потолку прижаты
белые рубахи
шлемы белой ваты
на окне решетки
двери под замками
медсестра красотка
с длинными зубами
Фрейд зайдет в палату
постоит немножко
--
белые опята
синяя морошка...

* * *

представь
солёная река за пресным морем протекает
представь
бульжник — облака и странным образом мерцает
вообрази
залаял сфинкс как пес бездомный в поле чистом
реальность?
временный каприз
игра предвечного артиста

* * *

странствующие слоны на пуантах,
мартышки в пачках, савана,
а по ней скачет Стравинский
с дирижерской палочкой,
на ласковом жирафе.
летят какаду гаммой, каждый держит в клюве
нотный лист. и небо такое, знаете ли,
сфумато, а ля да Винчи при жизни.
бегут оркестранты, несут инструменты —
все до одного — бушмены, босые конечно,
но на каждом — фрак, бабочка, котелок,
сие — Бенуа. и далее, в перспективе.
река Лимпопо, Айболит пьяный в стельку,
лежит, только жабры хлюпают.
а над ним — Маяковский.
Огромный, кумачовый, яростный.

* * *

таланта я не вижу в мастерстве
не нахожу и в зрелости таланта
предпочитаю в некой синеве
полет не журавля, так... дилетанта
люблю глаза, младенца старика
они на удивленье безыскусны
на сцене обожаю дурака
уму — почет, быть умным как-то грустно
из многих блюд изысканных и нет
в кулинарии чувств и ощущений
на первое — прибой затем рассвет
и жизнь с тобой
Адам был точно гений.

* * *

все простыни постели смяты
встают к утру любви солдаты
дымок
кофейный аромат
глядит задумчиво солдат
вбирает ноздрями рассвет
в зрачках усталость
в теле — свет...

* * *

прощайте Ленин мне не было с вами скучно,
но так происходит печальная блажь естества,
что время порой невероятно далекое искусство,
а иногда просто сорная в поле трава.
прощайте Ильич с прекрасной багровой идеей,
рассветной настолько каким лишь бывает рассвет,
вы новому миру пинком распахнули двери,
мне искренне жаль, что ни Мира ни Двери нет.
вы были как древко, за вами плескалось знамя
и ныне по миру летает его лоскутье,
достоевские подростки шептавшие — Ленин с нами
собою вымостили дороги из былого в новье.
вы знаете Ленин, как вам обязалась эпоха,
которую ныне клянет и лакей и дурак,
но сливки снимают не те, кто от плахи до вздоха
твердили — мы к свету идем за собой оставляя мрак.
68, Париж, бунтующая Сорбонна,
Энди Уорхолл и Beatles, в икону преставленный Че.
у каждой эволюции, Владимир, свои врожденные законы
и каждый пожар своей обязан свече.
вы Ленин, были как сфинкс и им же останетесь видимо.
все глыбы заметны как минимум с дальних орбит.
в забытой случайности, в неочевидном обыденном,
есть мертвый зародыш и семя, что крошит гранит.

* * *

плывем по маркесу
в бушлатах
сезон дождей с гнилых страниц
забито небо прелой ватой
не видим лиц не слышно птиц
сто лет не век
литература
закрытых в вечность пирамид
нам колумбийская натура
сменила мозга строй и вид
и здесь любой — Аурелиано
ночной полковник тишины
в кармане сердца носит рану
Ремедиос
иной весны

* * *

работаю интерпретатором Эсхила,
давно уж, как литфак закончил, в Мытищах-городе.
Кроме литфака куда? — разве в домик кутузовский,
потолки белить, да пыль выбивать
из фельдмаршала нашего.
Хорош город Мытищи, памятен
и институт наш, педагогический.
Кроме литфака у нас там что, городок маленький.
На учителей физкультуры готовили и кто там,
музыка, пение, баян, вокал.
Девахи хорошие были, голосистые и грудь.
Иначе какой вокал с баяном?
Отвлекся, извиняй, мил человек...
Эсхил, значит.
Языков то я не знаю,
древнегреческого да и нынешнего, греческого.
Да и зачем?
Кому не лень, всяк переводил.
Не ставят его конечно, по древности, не актуален.
И профессия моя такая, формальная.
А ты вот подумай — отец европейской трагедии,
Европы то еще и не было, а он? — был и сотворил.
И трагедию и театр, хоть сериал какой посмотри,
все от него выходит.
Вот и читаю, значит, сравниваю, советую,
кому по сценарию или постановка какая.
Профессия, что ж... без меня ведь что книга, что пыль —
мертвое вещество, дурная материя...

* * *

соединю соединим
в одном костре угли и дым
в одном портрете два лица
меридианом два кольца
найду а может и найдем
на дне русалку в небе дом
за дверью — Джима
у окна
сосет из ночи сны Луна

* * *

мы любим ошибки и рванный сюжет
по триллеру жизнь
по финалу — балет
медуза в тарелке улитка в руке
без мозга товарищ
шагай налегке
глаза янтарем дохлой мухой зрачок
я ближних — люблю
...жаль заело курок

* * *

молодое лето стылая весна
в поле неодетой бродит тишина
вдруг заходит в город в улицы тайком
по твоей квартире бродит босиком.
задвигает шторы книжный переплет
гладит и смеется. тихо так живет.
сядет к изголовью отгоняет сны
ведь они не званы в доме тишины.
ей по вкусу память свечи и коньяк
планы и надежды для нее пустяк.
погостит немного в зеркало сойдет
а в стекле смеется карлик жизни — год

* * *

...графский плющ
свеча в стакане
заузоренно окно
я лежу Маратом в ванне
жду Шарлотту
мне равно
что зазубренным кинжалом
(у старьевщика, взаймы)
будут воду красить алым
так банально...
что ж, из тьмы
снова в тень
уже навечно
сожалею? вряд ли, нет
на пол падает промокший
недописанный декрет...

* * *

по касательной к месту и времени
мимолетно как будто нечаянно
на земле неизвестного племени
по дольменам скользят листья пламени
все огни отгорели но кажется
отгремело но эхом доносится
недожатой судьбы несуразица
невзошедшей мечты околёсица

* * *

Мир гавкает как стая дворовых
и воет на закат бродячей псиной.
Едва один из стаи приутих
другой залется лаем беспричинным.
Ветеринары в страхе до слюны
то трут очки то лысины салфеткой.
Собаколовы видят третьи сны.
Проснутся — псы на воле сами в клетках.
Воняет страхом. С плазмы и витрин.
С планшета и от граффити в клозете.
И кажется что клин зашел за клин
парящих крыш при inferнальном свете.
Но жуть когда нависнет тишина.
У тихой бездны спуск не знает дна.

* * *

ну разве так
французским старым медом
и синевой упавшей никуда
вдогонку цирку крашенных уродов
и карликов
парящая звезда
за ней волхвы на плюшевых верблюдах
не то в песках не то в полынь-траве
и медный глас взывает ниоткуда
он просто в тон
краснеющей листве

* * *

октябрь — Рим? Октавиана запах
но вечный город собственно не там
и на Синае все накрылось прахом
как быть дружок?
— доверимся волхвам

* * *

хочешь кофе подружка?
турецкого под стамбульские блюзы?
не отказался бы сам.
чашечки три а потом в Сиракузы
морем Мраморным на каике под парусом
а потом Эгейское.
там волны в три яруса:
первый бирюза цвет мечты и глаз твоих рядом
второй иссиний как Матисса холсты
а третий белый
цвет сливы близ райского сада
но главное кофе
и белые простыни спальни
цветы на столе и сигареты Gitanes
жаль не сегодня
печально

* * *

с неба падают неслышно
чьи-то души
не по Данте
зябнут под дырявой крышей
и подонки и таланты
их отводят в весовую
в белой марле санитары
точно голуби воркуя
взвешат
а потом на нары
все в исподнем в преисподней
кто ты что уже неважно
может будет суд Господний
может нет
темно и влажно
и нет стен а все закрыто
нет пространства но
темница
все разбитое корыто
рай?
он дурням только снится

* * *

в Австралию друг мой в Австралию!
а там к берегам Антарктиды!
пусть тонет планета в фекалиях
пусть пасти рвут вечные гниды
в конгрессах парламентах фракциях
на митингах и на трибунах
фрустрация мира стагнация
провисли и связки и струны
а там горизонт не кончается
за льдами лишь космос и ветер
Антарктика просто красавица
последняя в долбаном свете.

* * *

предпочитаешь утро? — да
мне вечер как-то скучен
слепа всходящая звезда
безмозгло бродят тучи
и полумесяц как во сне
размыт и несуразен
уж поскорее утро мне
росой по листьям стразы
а будет солнце или дождь
туман и тот сгодится
по жилам сладостная дрожь
живой
и в день как птица

* * *

летают галки стай
нам их еб*ть конечно
но
возможно
наступает
ад крошечный на планете
ведь за галками вороны
что кружат над старым Рио
тоже к полюсам синхронно
на закате
так красиво
а потом дырявый ветер
весь в заплатах и обносках
серый дождь несет и пепел
в небесах как блюдо плоских
ходят тучи стонет море
бьется в ставни звон далекий
далеко ли может вскоре
что там Патмос
как там сроки?

* * *

далай-лама Ё Сен Тук живет на Гаити
в Порт-о-Пренсе на вилле
на границе сновидений и событий
не-происшедшего и того что забыли
его культ многоцветен как семь цветов радуги
у которых еще тринадцать оттенков
в основном он готовит снадобья
для проституток воров и всех кто за стенкой
приличного общества
благонамеренных уродов
всего этого множества
ухоженных тварей под небосводом
он с теми кто естественен
в своих порочных проявлениях
они как последние девственники
настоящего мира знамения
Ё Сен Тук проповедует:
вы суть соль океана
и вечного зимнего моря
остальные навоз.
их правительства общества страны
интифада накроет
вскоре

* * *

Что есть створка Двери
Черти что значит
Нечто
На нее как смотри
Получается вечность
И порог вперекос
Да и притолка тоже
Только сколько там слез
Ожиданий тревожных
Как в полете с моста
Как на крыше вагона
Неспроста пустота
Не видать и перона
Все столбы да столбы
Провода да осины
От судьбы без мольбы
От начал без причины
Только маятник бум-м
И взлетела синица
Жизни дни белый шум
Жаль что ночь нам не снится

* * *

святое мне
а что мне свято?
плащ и сандалии Пилата
букет прощальный Маргариты
ничто похоже не забыто
еще ночной полет в Сахаре
и через Анды рейс почтовый
у Керуака — жизнь как Мара
последний доллар — это слово
пожалуй Сэлинджер и Кизи
а к ним Апдайк и Массачусетс
литература вместо жизни?
она река но я-то русло
она Янцзы а я песчанник
и плот в стремнине вероятно
увы банально слово странник
зато звучит порой приятно

* * *

Подохли кролики морковка отсырела
Мокреет все — деревья листья тело
Сырые стены сумрак по углам
А там ноябрь
Уходящий хлам
Надежд весны и забытого лета
Но верно ждем
Январского рассвета
И синих елей в звездах хоровод
Прощаться рано
Но счастливо год

* * *

зачем река
для ряби и для ветра
а может быть еще для тростника
для белого тумана до рассвета
и лодки уносимой в облака
чуть хлюпает в корму и каплет с весел
от берега до берега ни зги
куда плывем
до дальних синих сосен
застывшей мимо вечности тайги
на берег лодку
хрустко под ногами
песок и хвоя запах как в раю
похоже все вот так за облаками
бесслышно и светло
и там стою

* * *

Со сцены не сошел
Он просто тихо вышел
В примерную для будущей премьеры
Оркестр репетирует чуть слышно
Зал пуст ещё
Колышутся портьеры
и занавес над сценой чуть дрожит
Что ставится сегодня? — Вечный Жид
Парад шутов что в мире от Адама
Играют нам бурлеск
Порою драмы
Ведь Агасфер — и Йорик и Гамлет
А где Офелия?
Все там же
Где и свет

* * *

черное легкое улыбается дыму
клапан митральный встречает багровый комок
всхрип и конвульсии неуловимо
где-то подрезали нитку готов некролог:
жил? несомненно
как многие где-то и как-то
вроде деревья сажал
но возможно сажал и кусты
пил ненамеренно вдрызг и с ночевкой на лавке
не осуждаем. такой ведь возможно и ты
дети? случались
а значит бывали и жены
в разное время и каждая в чем-то бутон
жаль что ушел
но увы
бреной жизни законы
поезд стучит и для каждого где-то перрон

* * *

ни шанса случаю
заткнитесь перемены
пусть тлеет тлеет время мы нетленны
и безусловно остаемся
как пятна на сгоревшем солнце
как сыпь по Млечному пути
мы сами вечность
как уйти?
прогоркло масло куры сдохли
в горах туман гоняет тлен
Конфуций был — покрылся мохом
Te Deum
Время Перемен

* * *

кулаком в ладонь —
от бессилия
чувства нет
а была идиллия
непрерывная
непрестанная
вдруг внезапно —
взяла и канула
кулаком в ладонь —
бубном по ветру
догорел огонь
пепла доверху
а потом на снег
льдом за полынью
дураку ночлег
сном наполню я
выжму облако
день покатится
что прихлопнуло
то и пятница

* * *

...боги спотыкаются в дороге
мало ли булыжник подвернулся
как скользящей по воде пироге
смена ветра с переменной курса
парус хлещет мачту за борт клонит
у команды паника и рвота
смех на небе: ангел посторонний
не спешит на помощь отчего-то
волчья яма волка не обманет
разминулась значит к новой встрече
вряд ли все размечено заранее
ведь не всякий воск идет на свечи
все внезапно
в этом прелесть света
кто не ждет тому и с неба манна
нет вопроса — будет суть ответа
все что не придет — тому осанна...

* * *

а что сейчас там в Иль-де-Франс?
наверно утро и консьержки
пьют кофе слушая романс
Джейн Биркин и Генсбура Сержа
а что поет?
да Love and Kiss
о чем еще поют французы?
и Gauloises дым повис
а в нем колечком тают музы
какая пара!
и с утра
меняет вкус у круассана
все видно осень
и пора
за дымом вдаль
к далеким странам

* * *

...где нолито там налито не сцйте
Никто отсюда трезвым не уйдет
Пусть жизнь полощет как белье в корыте
Но по закату узнают восход
Летели щепки бревна догорели
Был балаган повесили шута
И счастье есть пока ты в бренном теле
Поскольку там по слухам темнота
Так из горла!
Ни слова о стаканах
Антракт прошел и занавес вот-вот
Поднимется как ночь над океаном
А там ведь Ной
И вновь ковчег плывет...

* * *

есть у слова — завтра — два оттенка
первый значит — этого не будет
завтра пенка в молоке
что в мелкой
и невытой по утру посуде
а на кухне свет изжелто-серый
лампочка чуть светит и как будто
часовщик рукою неумелой
переводит сутки на минуты
скрип часов у Кроноса в кармане
ржавый шелест листьев на рассвете
завтра — шулер что всегда обманет
карты он все загодя разметил
тянешь из колоды — там шестерка
трефа как обычно и желанья
на губах оставят привкус горький
пенка в молоке
привет
с прощаньем

* * *

хлеб вино шоколад...
итальянская проза
так обычно звучит
еще ветку мимозы
и бутон дикой розы
пожалуй добавить
и готово
сюжет без канонов и правил
где-то там режиссер
рядом плещется море
у массовой обед
он закончится вскоре
а герои вдвоем
непонятное чувство
день прошедший за днем
эпизод безыскусный
безработный кассирша
случайная встреча
и вдруг он и она
и Неаполь и вечер
и бутылка вина
на двоих с шоколадом
для внезапной любви
как-то больше не надо...

* * *

когда смотришь внимательно
замечаешь немного
погляди вот она
вероятно от Бога
этот образ встречал ты
возможно у Хэма
ее Кэтрин там звали?
красива как гемма
а потом вероятно
в случайных страницах
у Ремарка
там женщины легки как птицы
тяжелы жаль герои
и пьют все безбожно
и всегда легкий сумрак
а в нем все тревожно
но взгляни: вот она
вероятно от неба
и тонка как струна
запах хмеля и хлеба
повезло тебе брат
как на землю из сна
и ни взгляда назад
осень в прошлом
весна

* * *

они были маленькие любовники,
поэтому жили в домашнем тапочке,
довольно уютная вещь, как не покажется.
возможно их жизнь кому и представится скучной
с высоты там роста и ширины желаний,
но не будем спешить в акциденциях.
сказал же один странствующий эпикуреец
встреченному не так чтобы по случаю вельможе —
твоя жизнь скучна, игемон...
с ним потом довольно круто обошлись,
что ничего не поменяло, конечно.
она любила бисквитные крошки с ликером,
он цветочную пыльцу, вино предпочитали белое.
любили они друг друга бесконечно,
а уж страсть так просто немислимой была.
шума однако почти не производили,
соседи не волновались. сами посудите —
много ли в тапочке нашумишь?
с другой стороны, кому и в голову придет
лезть под диван среди ночи,
смотреть что там в тапках творится?
ясное дело, в здравом уме никому.
диван этот стоял в студии довольно грустной художницы,
которая невероятно много курила
и в любую погоду писала туман.
студия была в том замечательном квартале города с башней,
которым грезят все грустные художницы, но
вся эта занимательная география маленьких любовников
как-то мало интересовала. счастливые крошки.
последние из андерсеновских эльфов.

* * *

что осень нам мой друг
беда
ведь мы не пушкины с тобой
из туч кропящая вода
не принесет душе покой
останки зноя сентября
и солнце позднее над крышей
как будто шепчет: время зря
но только кто его услышит
и рано подводить итог
сперва дожить бы до апреля
застыло время
план убог
и как-то странно даже верить
но где же выход?
на Бали? и далеко и нереально
придется ждать иной зари
внезапной
зыбкой
странной
дальней

* * *

Мы вернемся к колодцам как прежде
И не так уже важно когда
Степь живет от надежды к надежде
А над ней путевая звезда
Мы вернемся к колодцам и знаешь
Там вода словно лед и хрусталь
Видишь птицы снежинками тают
Жаль у неба недолга печаль
Там где месяц над белой вершиной
Где такыр как заоблачный тракт
Наш колодец и домик из глины
Мы вернемся
Все сбудется так

* * *

Кому это нужно
Листва пожелтела
И солнечный блин превращается в блюдо
Воздух так сух что раскрошится мелом
Дожди как пустыне знамение и чудо
Асфальт капилляры
Деревья аорты
Все ждёт а чего
Воскресенья и снега
Закроет метель все минувшее к черту
На белом легко все начать без разбега
Эскизы готовы хотя и неясны
Палитра такая:
По белому — красным

* * *

Ты балуешь меня а я стою?
Не рядом море
И не ты
А в море
Случайной чайки промелькнувший след
И так равно закат или рассвет?
И может парус
Может просто пена
И так вот быть
Всегда обыкновенно
Готовить рыбу? Пить вино?
Да к черту!
Пуускай песок и медь до горизонта
И просто воздух пить твоим лишь взглядом
А что ещё
Для жизни мне?
у nada

* * *

Пошел бы в консулы да Рим куда-то делся
В Дамаск визирем тоже опоздал
Душа как море в нем как шлюпка сердце
Что гавань мне? Не нужен и причал
Волна как дни банально до блевоты
Но все же рябь милее мне чем штиль
Ловил бы может в море Черном шпроты
Да сейнера все списаны в утиль
Осталось что? В Сахару к бедуинам
Куплю верблюда чая и халвы
И по утрам все слушать муэдзина
Al insh Allah
От дна до синевы

* * *

жизнь полезна для птиц и возможно дельфинам
скорлупа от яиц все же лучше чем глина
некий изыск в пернатых к тому же летают
одиночка — орел и стрижей быстрых стая
да и в водной среде откровенно неплохо
океан суть простор а простор не для лоха
ему стены нужны лифт жена и зарплата
а допустим китам? глубина без возврата
отпускаются скупно как в мелочной лавке
календарные дни и не каждому ставка
на возможный успех на случайное счастье
лучше в небо как стерх
за последним причастьем

* * *

смешно писать под кофе и с утра
и неспавшийся мотив коробит слово
сон не ушел в закрытое «вчера»
и «завтра» не сказать что будет новым
а что «Dasein» и где ты Хайдеггер?
любые термины не стоят и ползвуча
что пред тобою дверь или барьер
и ты не знал и Сартр. как из лука
стреляет нечто метя прямо в мозг
сопоставляя время ночь пространства
реальность нам изнанка мира грез
а грезы избегают постоянства
возможно где-то есть простые дни
обыденность привычки и заботы
но кажется что сказки и они
ночной полет
и боинг без пилота

* * *

ты хочешь уйти из Нанкина?
но город и так ведь пустой
как будто в приличной гостиной
из стен вдруг сукровица гной
и вонь как в сгоревшем роддоме
куда ты дружок обернись
ты видишь остались вороны
но как-то не видно синиц
и все воробьи разлетелись
одни фонари без огня
ты хочешь уйти из Нанкина?
да поздно беги без меня
в ушах как бобины на полке
все ленты немного кино
я помню а много ли толку?
навоз преврати-ка в вино
и только подумал и вижу
идут не касаясь огня
в кровавой дымящейся жиже
пилаты последнего дня
за ними похоже сиянье
и медный чуть слышимый гул
кому это все в назиданье
наверно ушел и уснул
а нам по спирали и снова
истерика боли и стон
ты хочешь уйти из Нанкина?
не бойся дружок это сон

* * *

к Тенгри на латыни
не стоя в степи ни в горах
литания хриплой полынью
на сжатых губах
ave Tengri ora pro nobis
tu deus es noster et laudamus te
и что не мгновение ворон уносит
случайное слово к далекой мечте
и снова латынью как в бубен шамана
salve Tengri et nostrum salva
и слышишь как тихо
и видишь как странно
ты здесь
а с тобою всех гор синева

* * *

баржа Париж а в ней Ришар
где жить шути на пенсии? — на Сене
на набережной спит клошар
в каюте гений
нет разницы для Сены безразлично
ей что Вийон что Беранже
талант дурак
и со времен античных
течет себе
и кажется что так купает время
как дитя
и плещет и зовет скрипичною струной
схожу-ка к Пьеру
жив еще?
отлично
он всегда со мной

* * *

у ангелов крылья стальные
а мой? весь из перьев и жалок
они покоряют стихии
им звезды огни зажигалок
а мой тихо бродит в подъездах
бычки собирает на пляжах
неслышно заходит в надежды
почистит печали от сажи
такой бытовой
неприметный
как пена на донышке кружки
но с ним как-то легче на свете
ну что ж
и такой тоже нужен

* * *

Нетрезвым росчерком по небу
Слюду рисую и дожди
Кому куда а мне за хлебом
И за рекой что впереди
Хлеб по реке а мне по водам
Читал об этом да забыл
Когда-то где-то так без брода
Из лодки некто выходил
За ним другой
И так все скопом
А после гвозди из креста
И кто-то плакал кто-то хлопал
А время с чистого листа
Пошло шагать по новой пашне
А может просто по воде
Бежало облако барашком
К еще невидимой звезде

* * *

Святые выглядят как смерть
Которая не наступила
Она без неба
Ходит босиком
А им и гроба нет
У них могила
Где бродит мальчик
Кто с ним рядом
Свет

* * *

Я живопись люблю
Но все ж дороже
Мне образ памяти и звонкий смех ночной
Так эхо сонных путников тревожит
Что у костра присели
Их покой
Пичугой потревоженной слетает
И взгляды что-то ищут в темноте
А — ничего
Ни звука вновь
Все майя
Огонь и ночь
Ни здесь
Ни там
Нигде

* * *

Вчера ещё не наступило
А завтра будет никогда
Не искры тлеющая сила
недогоревшая звезда
Какой-то вечный промежуток
Лагуна
пауза
а в ней
Крапленый час в колоде суток
Бьёт год семеркою червей
А пьяный джокер синелунный
Глядит с ухмылкой с небес
Как слышишь вдруг
Порвались струны
Мы без всего
Мы просто без

* * *

Что мне? Бутылку Боттичелли
Салат Джорджоне и в рассвет
Летит эпоха на качелях
И кватроченто шлёт привет
Возьму покрепче
От Шагала
Еврейской водки рыбу фиш
И вместе с Евой по кварталам
То ниже труб то выше крыш
А там упасть
В окопы Дикса
И к трем товарищам в Берлин
Смешна натура
Вся на миксах
Случайных книг
времен
картин

* * *

устали вечер и погода
обычна странность сентябрей
они кулисы смены года
и как-то катятся быстрее
по ободкам на циферблатах
случайность образ эпизод
в ладони неба время смято
hola manana!
adios год!
за новым мартом по вагонам
перрон пустеет
и в закат
по колее как по аллее
стрижами месяцы летят

* * *

стоп полёт! мы мимо цели
горизонт ушел на дно
крылья белые метелей
оппадают за окном
льдом укрыт иллюминатор
все пилоты в долгих снах
время смято и разъято
нагадали на бобах
что все гладко и спокойно
чист и светел наш маршрут
в прошлом смуты дни и войны
и конечно всех нас ждут
но похоже просто мара
Брахман глазик приоткрыл
у кошмара нет начала
а конца и след простыл

* * *

Шутом уметь не быть
Родиться
А там до одури играть
Как родника бежит водица
Сама
Ее и благодать
Мир смех богов
Небесный хохот
А скоморохи зеркала
Что не смешно то тлен и копоть
Дурного образа тела
И что юродивый что клоун
Одна арена цирк один
Кто там ушел кто выйдет снова
Равно
От бездны до вершин

* * *

Может верю в простое кино
Детства фильмы
Далекие странные
Со двора не пришли не стучатся в окно
И не в снах эпизодами рваными
Что ж наивности нет или вера прошла
Но забытый подросток как заново
Открывает тропинку к дворцам из стекла
до влюбленности с первыми ранами
Кровь на розах останется
в море Авань
не теряет по ветру Юнону
Детство
Инеем в окнах от грез
И мечты всё свеча да икона

* * *

шакалы жрут объедки рыси
кнуры шныряют в горной выси
сжирая синь слизав дотла
и солнца жар как жир котла
армагеддон? смешон не нужен
он как нужник в навозной луже
банальный символ дохлый клоп
не антихрист — обычный жлоб
маячит харей в маске белой
и правит как по доске мелом
все liberte egalite
корыто мира в пустоте
парит и свиньи вокруг корыта
не Данте но nuova vita

* * *

ходит бродит человек
абсолютно лысый
очень хочет человек
женщину Ларису
а Ларисе нужен тот
в красном мерседесе
оттого и не дает
лысому повесе
сидит Маша у окна
грустною жирафой
вот опять спала одна
в комнате со шкафом
за окном пустырь и кот
два бомжа и дворник
что-то счастье не идет
в захудалый дворик
электричка. спит грузин
рядом продавщица
погрузился в пьяный сплин
контролер Синица
журавлиный клин летит
мимо боинг в Гагры
утра серого гранит
приступы подагры
жизнь как жизнь который год
что Тамбов что волки
как Фортуна не нальет
ни ума ни толка

* * *

...у меня и Вестминстера нет
подарить тебе собственно нечего
разве хижину? милый сюжет
с дураком в ожидании вечного
неизбывного как пустота
то ли чуда а то ли мгновения
ничего за душой
но мечта
выше Эйфеля и сокровеннее
...ни каморки в Версале увы
даже джонки в Макао безвесельной
но мы плюнем с гранита Невы
прямо в классику
лавром увенчаны
как Парис и Елена
а там
гори Троя и храмы эфесские
мир уступчив дурацким мечтам
ему дурни что манна небесная...

* * *

серп луны подрезал склоны
иероглиф — новый год
тащит плуг к земному лону
календарный бык
на лед
и на снег ступает грузно
сыплет в борозду метель
ветер пахарь правит вьюжно
в облаках белесых
трель

* * *

снег любит бесхитростных
как простынь простодушных
ссыпается искрами белыми
глуше
города звуки
в мыслях непрошенных
белые руки
зимнее крошево
небо в охапку собрало и веется
снова надеждой света метелица

* * *

негр на подносе кофе подносит
кофе необыкновенно гармонирует с неграми
фарфор с любителями espresso
естественная градация никакой сегрегации
ноль апартеида
погибла Дездемона
жив остался Отелло
обида
говорят негров не знали друиды
этруски — не ведали
что противоречит Дарвину
ведь все мы с африканской окраины
альбиносы дальней Африки брели к Риму
утконосы в Палестину
курчавые плыли в Папуа
прочие в Эфиопию
о чем это я
утопия

* * *

слово «любовь» происходит от мягкого знака.
мягкость воды и еще виноградной лозы.
в слове «люблю» буква «ю» просто знак Зодиака
звездный узор не случайно упавшей звезды.
славное «б» как огонь маяка посередине:
волн островов и под Эльмом плывущих судов
много идиллии в этой казалось картине
не отрицаю. она ведь из проклятых снов.
бешенства пены зубов выбиваемых с кровью
режущей стали и темной ладони петли
многое так называют. и слову привольно
каплей Эдема касаться присохшей земли

* * *

любовь не любит лиц ей так обычно
глаз избежит и нёба
ей привычно
собою течь порогов избегая
любовь безлика как все тени рая
ведь что в раю? ни образа ни блика
была Эсфирь а стала Вероника
была Дидона с пеною морскою
ищи теперь где бьет песок прибоем
любое чувство в истине безгласно
что голос красоте?
за словом ясность

* * *

баллады грустят блюз не весел
счастье так чуждо гитаре
мир слишком пресен?
кто знает
здесь город любой
континент произволен
но в блюзе тоска или грусть
словно струнами болен
дым горчит
у портвейна вкус прошлого лета
где-то там есть она
Габриэла Мишель или Света
у меня у автора у гитариста
и вот бутылка баллады пуста
а в душе сразу девственно чисто

* * *

Не стоят дни мои труда
Я дней забот едва ли стою
Так с ледников струит вода
К морей бездонному покою
Так по степи растёт ковыль
Где караванам путь размечен
И с пирамид сметает пыль
В горячий день пустыни ветер
Волне равно в каких морях
Какая суша подвернётся
Все неизменно в небесах:
Придет рассвет
Взойдет и солнце

* * *

они желают
он она
холодеет юлою под ребрами
ночью лед так целует Луна
рассыпаясь искрящимся облаком
как фонтаном звенит в голове
эта свежесть и это желание
пальцы неба блуждают в листве
боги жизни смеются
заранее

* * *

китайская тушь шелковая бязь иероглифы
или на бумаге из риса
чувствуешь как шуршит каждый штрих?
пахнет чай Melissa?
плавная кисть отрывистая
острова облака чуть обозначено море
джонка под парусом. пролистываем
дальше разумеется горы
кто его знает японский уют
сямисэн сёдзи угли на жаровне
и так видима вдруг тишина вокруг
и бамбук с небесами вровень

* * *

сентиментальность
мелочь в кошельке
банкноты берегут. чего бы ради?
серьезность чувств в забытом далеке
как щи и квас в покинутой усадьбе
как утренний халат и кабинет
где бюст Минервы книги и эстампы
портьеры красит яркий зимний свет
перекликаясь с позабытой лампой
а на столе вчерашнее письмо
«...прощай навек другому я отныне...»
давно ли было? в памяти темно
сентиментальность
медяки в полыни

* * *

Ma cher хочу эклер но в Sent-Denis
Не в Тюильри
Там дорого и сыро
А впрочем черт возьми
К чему эклер?
Бочонок божоле багет и сыра
Я не гурман ты знаешь
Так люблю
Тебя Прованс Gitanes и утреннее кофе
Я не был там
Унылый диссонанс
Но ведь мечтаю
Что совсем неплохо
Иллюзии мечты реальной дня
А день мечтает о безбрежной ночи
Ночь о костре забытого огня
Костер о плоти что гореть не хочет
Вот занесло
А начал с пустяка
Но мелочь все кроме тебя в постели
Любовь все достоянье дурака
И домик
Где шумят на склонах ели

* * *

Корона крест
Торжественность что проза
Кто скажет — лесть
Другой добавит — поза
А мне смешно
Есть облака и свет
Любви вино
И пусть твердят что нет
Слова по времени
Свеча и хлеб по водам
Без рода племени
Поэты и уроды
Слова и маски
Склеп и календарь
Для каждой гласной
Припасен букварь
Но знаете
Как сад плющом увитый
Как пред грозой звенят колокола
В ладонях тает жемчуг Афродиты
А пена что?
За волнами ушла

* * *

под столом мудрый волк
на столе пироги
свет коснулся — и бах!
Хоть из дома беги
Волк запел о свободе
Пироги все в мешок
И чекушку с собой
И айда за порог
А за дверью опять
Тишина тишина
Может спит чья-то мать
И конечно одна
Может к волку вернуться
И вместе с ним петь
Что свобода шутам
Где простор там и клеть

* * *

Когда-нибудь в эпоху Мейдзи упадем
Построим дом и чтобы рядом водоем
Посадим сливу рядом вишню и орех
Бамбук как сёдзи оградит нас ото всех
Я буду звать тебя пускай О Юэ-сан
Такое имя кораблю и парусам
Жизнь между ветром и водой и в лепестке
Сочту все судьбы на одной твоей руке

* * *

нет слова — нет
и — да — огрызок мысли
ты видишь волны паруса обвисли
заходишь в воду а она сухая
ты где болван? — иду по кромке рая
с изнанки мира безначальной тени
в эдеме все иное без сомнений
был на экскурсии и вот уже обратно
привратный мир у нас
но в нем куда приятней

* * *

какие там были духи?
вино или кофе
читали ли мы стихи
словами сплетая воздух
у пальцев есть память волос
так сентиментально
букеты дурацких роз
с перронов глядят вокзальных
смеется стекло такси
хохочет кафе витрина
в табачном дыму висит
бумажных сердец картина
мы помним не то что мы
мы знаем не то что с нами
что чувство? — изнанка тьмы
бесчувствие? — это пламя
кто имя давал глазам
они ведь всегда безгласны
цветы узнают по плодам
как тени при свете ясном

* * *

Нужно слушать французов
Под любое еб*ть настроение
У них чувством живущая муза
Вкуса жизни не в жизни сомнения
Пер Лашез филиал Мулен Ружа
Мир двулик только Янус беспечен
Жизнь шансон а не фольк и не фьюжн
Нужно петь
И останешься вечен

* * *

пожрать как жить
вульгарно но тем все же
всеяден мир и этим мы похожи
ему судьба что косточка маслины
забыл и выплюнул
и все обратно в глину
там прорастет едва ли чем-то новым
нахлынут воды
под парящим Словом
взойдет из тины
прорастет под илом
грядущее
и все что прошлым было

* * *

маслины финики и все прованским маслом
стечет плодами светом солнца ясным
зальем вина багровою слюдою
салат готов подайте ужин вскоре
с маслин и масла в масляные губы
пойдет вино закатом света грубым
и чтобы горло в нем не отгорело
покрасим щеки белоснежным мелом
и все на сцену клоуны и мимы
балет прошел вот время пантомимы
алло Тарковский! мы с тобой к Рублеву
дорогу помнишь? с бывшего к бывшему
и зацепи с собой не пожалеешь
Паоло ткань и Бернса старый вереск

* * *

...мы образ создаем стремясь к живому
смеется мир: слепой поет глухому
глухой слепому на холсте этюды
счастливы оба: ожидают чуда
один прозреет где другой услышит
все в прошлом друг за двери время вышло
что остается? — вкус предощущений
а впрочем у Шекспира лучше
гений...

* * *

Не уйти от примитива
Красота в простых вещах
Шардоне? — конечно пива!
А к пиву мясо на углях
Монако что? вот на Таймыре
На Колыме едрена вошь
Пейзажи краше небо шире
Где в мире лучшее найдешь?
Апартаменты бедуинам
Арабам роскошь напоказ
А мне вода песок и глина
Из них в раю лепили нас

* * *

Светлеет. Воздух сам хрустит
Листва ковром бухарским
Вид
Эпохи томного бурлеска
Хрусталь небес исполнен блеска
Волны за темною кормой
Безбрежна осень
Как покой

* * *

покупаю набор бутербродов
пазлы пива в придачу
и водочки
что искусство? — голимая ксива
на распутье русалки и лодочки...

* * *

Почему не назвали Такеши
При рождении предки меня?

По Киото не еду на рикше
Сёнагон не приносит вина

Эдо спит
Где эпоха Дзъинтиро?
Не дают мне в Синдзюку квартиру

В цвет фламинго рассветы в Нагоя
Пахнут ракушки мятой и солью

Амо жемчуг ссыпают в ладони
Джонки море качает привольно

Запахнó кимоно мёрзнут ноги
Что за дом без циновок и сёдзи?

Молоко разлили у порога
Иероглифы вишни и розы

* * *

Живая практика идиотизма
Показывает: он не навязчив
Тихо живёт на верхушке сознания
Сознание-айсберг
Плывет в океане Я
И хлюпает чайками в белой волне
Пингвины ныряют
Там эго на дне
Тихи идиоты
Всегда дружелюбны
Улыбкой счастливой
Наполнены губы
Всеми благодарны
Не люди — цветы
В себе идиота лелеешь и ты
Хранишь как реликвию —
Вдруг пригодится?
Для мира в душе
он как Синяя птица

* * *

Чайки вышли из кармана
Крошки с голубями
Тоже кончились неожиданно
Вместе с облаками
И над крышами и морем
Только воздух белый
Как доска в безлюдной школе
Время пахнет мелом
Тихо шаркает техничка
Моем пол и стены
Жизнь банальная привычка
Тем и сокровенна

* * *

открытый вынос ресторана:
курьеры с пиццей и грибами
на велорикшах
все в тумане
шумит прибой
Шанхай по ходу
едва виднеется природа
на мониторах шумных street
по переулкам чуть дрожит
свет позабытых фонарей
а рикши едут
все быстрее
дымится пицца в рюкзаках
грибами пахнет утро — ах!
а в небе Boeing и Airbus
зовут в Китай
далеких нас

* * *

палое солнце в усталой воде
вы говорили Париж... это где?
знаю писали
читал вероятно
улицы букв и бульваров опрятных
первоисточник для прозы Нью-Йорка
запах каштанов...
но с дымкою горькой
Пушкин слышали? туда не доехал
...что обо мне?
голос есть
будет эхо

* * *

победы странная свобода
сражений не было но вот
багряный стяг дает природа
куда-то заново в поход
не слышно ржания и лязга
нет рядом замка и ворот
и не поет труба протяжно
с призывом: всадники вперед!
копыта света бьют но в венах
толчки густую месят кровь
жизнь ощутима и мгновенна
позвала? что ж
не прекословь

* * *

что делать мне?
включу — Дождливый день в Нью-Йорке —
на сухость и прозрачность октября
все видимое чувственно. то горько
то ясность неизбежная
не зря
снимал еврей
за нами пыль от Ноя
самшит и кедр ладан и вино
Нью-Йорк Нью-Йорк
пристанище изгоев
и странный рай
в котором все — кино

* * *

мои цветы не знают зла
напыщенно и как-то не Бодлер
мне ближе в старом очаге зола
где дома нет
рассвет дождлив и сер
картофельное поле а вдали
над озером ухоженные замки
невидные окраины земли
холсты чудес
из антикварной лавки

* * *

доброе счастье старой планеты
в осень ступает поступью лета
тихо смеется горным ручьем
ах я забылся. что и о чем?
дама баллады в струнах ветвей
мысли что облако небом за ней
птицы желания клин перелетный
что это я? просто так безотчетно
шаг проскользнул вслед за утром росой
замер мечтатель душою босой
грезит на явь а сбываются сны
кто она? дева тянь-шаньской весны

* * *

не грезит явь и сны напрасны
охрипла память. мимо нот
несвежим утром в день ненастный
балладу ворон пропоет
ему октябрь вторит хмуро
дождем по лужам и бомжам
уныла осени натура
как год идущий по пятам
куда-то вдаль
навстречу мимо
забыв колоду на столе
но там вдали
еще незримый
ждет горний ангел на заре

* * *

Трагедия жива где дышит смех
Шуты — не умирают
Не сценично
Кулисами за жизнью жив успех
Грим не сойдёт
Ему и смерть привычна
Нет клоунов
У смеха свой учёт
От мима что до Лира что обратно
Театр улиц в стены не уйдет
Котурны. Ось Земная? Вероятно

* * *

сегодня целуются демоны
они как и мы разнополюе
так нас сотворила вселенная
живущих
с рождения голыми
они как и мы постепенно
себя воплощают вне плоти
но только они вот нетленны
и твердь обретают в полете
а в прочем отличия мелкие
и страсти нам равные вышли
жаль страсти мученье — бессмертие
мгновения равного мысли
и ночью глухую осеннюю
над Брокенем вскрики и выдохи
бестелое совокупление
до пепла и соли на выходе

* * *

лабиринты солнца греют
минотавров стада
темнеет на сводах пещер слюда
и стекает вода
ариадны над пальцами спят
нити вышли
за эгейским персеи построились в ряд
волн не слышно
до ахейского слова
до троянской струны затемно
струи льют
виноградников сонных густое вино
вбита пыль до кости
в прах сандалии стерла дорога
дальше — только дожди
ждемся
знака и бога

* * *

лили бы кровь
и холсты бы не мокли
пакля и ветошь дополнят узор
рама крест-накрест
витражные стекла
над полотном серых ангелов хор
после нутро набивает солома
и на костер
и железом до глаз
живопись вечна
но вряд ли знакома
тем кто придет уходя после нас

* * *

Ваза с фруктами. Дневник
На планшете. Все привычно
Коньяку ещё, старик?
Что б писать предельно лично.
На твоём календаре
Год... какой-то из 30-х.
Утро иней на дворе
Дом над осенью распятый.
Скоро снег не вся листва
Старой сливы облетела.
Море слышно. Синева.
Неба ветренное тело.
Ладно к черту за порог
Может в Осаку? В Киото?
Вечность тоже не итог
Время? — не твоя забота.

* * *

Монголия синяя от синема
Над Гоби песчаная сизая тьма
Похожа на свет неизвестного племени
Других языков от рождения времени
Ефремов Иван там гуляет
В безводной бессчетной
И млечной утробе холодной
Что ищет что знает о чем промолчит
Там новая эра свернулась в гранит
Песком отряхнется от прошлого сна
Ты осень вдохнул
И ошибся
Весна

* * *

Мы странные
Цветы в забытом поле
Заброшен сад но тот же яблонь цвет
И кто сказал что птице в небе воля
Полет как бремя
Только клетки нет

* * *

На подоконник сяду свесив ноги
Этаж десятый впрочем наплевать
Коньяк поставлю закурю. Итоги
Как и просчеты мысленно в тетрадь
Дневник издам на тучке что всех ближе
Воронам перечту и соловьям
О том как не был в Льеже и Париже
И в Мьянме не был! Что Европа? — хлам!
Толстой в годах с сохой полями бегал
Куприн бухал а прочие в петлю...
Допью пожалуй. Жить ли надоело?
Дышу ещё. А может и люблю

* * *

Музыка конечно останется
На то она блядь и музыка
Время не вырубит танец
С живыми и мертвые кружатся
Под вечный LP планеты
На вселенной творимые ритмы
Барабанщики дольного света
Не уйдут
Не сойдут
Не забыты

* * *

бремя трупов время мертвых
пляшет ствол в прицеле лето
вонь всегда начало света
льют напалм в земные поры
новые конкистадоры
от коммуны в халифат
все земного счастья сад
дураку найдется знамя
ад не там
он только с нами

* * *

цветная тушь бумажный лист —
тростник туман и ветра свист
лесное озеро заря
в пустой графе календаря
размытый абрис облаков
и пятна солнца
все без слов
два иероглифа — прощай
почтовый штемпель
адрес —
Рай

* * *

Тухлая старость
И юность говно
Похоже Фассбиндер
Снимает кино
Вина хоть залейся
Девахи и Рим
Наверно Феллини
Останемся с ним

* * *

по утру всплывают трупы
тихи омуты звенят
воды стылы небу глупо
дна из бездны дарят взгляд
смех русалочий не слышен
чаща стихла скрип угас
духи ночи в землю вышли
что ни пень то древний лаз
новолунье отгуляли
заходи в лесок смелей
у зари свои печали
до тебя ли будет ей?

* * *

Бронза и медь
Звук чувственный тонкий
Сыпется в горы жёлтая пленка
Багрянец ложится в траву скорлупой
Солнца желток растекается в зной
Здесь осень не скрипка
Кобыз и валторна
И бубен обтянутый кожей рассвета
А воздух так хрупок и ломок надгорный
Что чувствуешь
С нами прощается лето

* * *

беглые лошади кирпичные стены
можно добавить еврейского вокала
Стена плача? дорожные вены?
Вряд ли amісі. планета устало
с рыси уходит в спокойный галоп
time lost coming. часики стоп
перевернем. пусть песок пересыпается снова
из верхней колбы в нижнюю
так происходит медитация Шивы
и сны Иосифа о ближних
ритм неровен ритм сбивается
пляшут на стенах рисованных паяцы
здравствуй театр! привет балагану
вечный гиньоль не уходит
все так же идет к океану

* * *

где ты берег золотой
прозы как начала?
парус виден за тобой
тающим кинжалом
не гортань рождает ритм
с языка ли слоги
из каких начал возник
не подскажут боги.
у Гомера был сюжет?
что ему до смысла...
или Гёте был поэт?
ведра коромысло.
по глотку со всхлебом стих
там растянем строчку
от стихии прозы блик
за богами — точка.

* * *

опять среда и время домиком
поленья сложенные в Д
+33 и дохлым гномиком
сползает утро по среде
зной вял. желток на синем плавится
который год? — речное дно
русалки мертвые красавицы
песок меняют на вино
июль заплыл но как-то ветрено
не в небе в оплесках небес
все там где дышит мокрой зеленью
в озерной глади горный лес

* * *

ее зовут Tina
а пишется Gloria
латынь не формальность
а фантазмагория
как патина времени на серебре
как фрески Помпеи —
Венера в игре
и память и чувства
вдруг мифологичны
достойно Петрарки
и Данте прилично
от Рима зеркально —
и вдруг Милуоки
строка Керуака
и Миллера строки
забавны поэты
прозаики тоже
все чувства — ах чувства
от глаз и до кожи
тактильность ума и вибрации тела
по красному алым и сизым на белом
но все об одном даже ты Антуан
полеты и взлеты
и в ночь
и в туман

* * *

кусай яблочко Ева
смелее
мы уже не в раю слава змею
мы в саду на земле
а зачем здесь сады?
чтобы зрели на ветвях тяжелых плоды
опадала листва
пахло прелой травой
что небесный Эдем? нам хорош и земной
кусай с хрустом и смейся
хохочи во все горло
мы одни на Земле вот же счастья приперло
пусть недолго с тобою здесь быть нам вдвоем
будут Авель и Каин а там водоем
опрокинется с неба на голову Ною
храм построят а после сровняют с землю
будет все впрочем долго ль стремиться к итогу?
мы вдвоем на планете
одни слава Богу

* * *

Пройдемся? по крышам слепого метро
В депо по пустым электричкам
Нам кажется вновь повезло: унесло
Все правила мысли привычки
Мы тихо шагаем в ночных проводах
Мир тих утомлен обесточен
И слышно как льдины трещат на морях
Полуденных и полуночных
И Арктика дышит
И Южный Тибет
И спят на лету самолёты
Невидимы мы или просто нас нет?
Мой ангел
Не наши заботы

* * *

Мальборо кола кино
давно?
класс десятый
лето Херсон вино
и девушка в лодке
приятно
время кольцом
опять?
Генералы Deep Purple запахи
утра мокрого
узнавать
себя в зеркале так приятно вдруг
что же нового?
ерунда
эпизоды случайной памяти
впереди как всегда звезда
ну и Мальборо
это свято друг

* * *

иногда ведь не нужно читать —
мы Ассирия мы Ниневия.
а глядеть с вышины на печать
как на ливни от времени синие.
и блуждать в спотыкании глаз
клинописью енисейскими рунами.
важно что? от ума молчать
остальное ударные струнные.
вдруг дойдет к тебе без словарей
без транскрипций и произношения
слово свет не твоих свечей
просто капля в дождях мгновения.
и тогда как за небом крик
как за тучами тело млечное
вдруг на горной тропе старик.
с ним скрижали в мешке заплечном.
как зовут его? снова мозг.
в неозначенном все значение.
путь терна да тропую роз
плот речной да леса с метелями.
и внезапным таким скачком
от Ниневии от Ассирии —
вдруг избенка и окоем —
небо белое горы синие

* * *

эскиз набросок
густая тень графита
бумага то лица просит
то улиц Сантьяго-де-Вита
неплохое название города
для Латинской Америки речи
представим патио солнце
перед Мадонной в соборе свечи
кругом сельва
ни дорог ни станций
ни на карте города ни в литературе
просто ассоциация
к неизвестной еще натуре

* * *

ковыль. обычный как планета степной и серый
привычны горы. по синему роспись мелом.
граффити такое стена чуть размером больше
по степи маки. только в звуках что ли дело? горче
дым костровый. и искры древние как арабская вязь
сжилась... вот словечко? или нашлась
в узорах на стенах Хорезма
воде арыков
и нежно
как в рукописях Фирдоуси
течет песок
в песчаные часы

* * *

По щебню и гальке камням и в пыли
петляет дорога под небо к Тенгри.
Иду спотыкаясь иссохло во рту
но мир мне желанье а значит дойду.
Что мне мореману вдруг горы и степь?
Совсем не Европа небесная медь
звучит по-другому на слух и в глазах
иные рассветы на долгих ветрах.
Что тянет канатом скажи Гумилев?
Экзистенциальность предмирных основ?
А может случайно по генам взошла
чингисова кровь из степного котла?
Да чёрт мне гадать что мое то ко мне
Тенгри и отсветы серпа на окне.

* * *

Проходят слёзы как бомбежка
По точкам и по площадям
Нечайной радости дорожка
То мимо хижины то в храм
Цветы. А кто же их не любит?
Трава. Волна зелёных вод
Вкруг никого. А что нам люди?
Здесь только нас бог-случай ждёт
Он избирателен. Быть может
Немногих знает имена
Своих ведёт к земному ложу
Нектаром поит допьяна
Усыплет розами и тёрном
Зажжёт негаснущий огонь
И как клеймо на белом черным
Положит на твою ладонь
Отныне меченный. По свету
Летишь как эхо крику вслед
Любовь пригоршнями — и в Лету
А счастье? — слово.
Было
Нет

* * *

Они — настоящие
И потому непрошенные
Заходят в жизнь как в дом заброшенный
Убирают хлам вымывают окна
Как зовутся неважно
Мария ли Фёкла
Имена их заканчиваются только на гласные
Жизнь без них и сама к себе безучастна
Так присутствует мимо как шкафчик в прихожей
Настоящее — их
Остальное ничтожно

* * *

помолюсь с утра и может
(все случается на свете)
в золотистые одёжи
зелень-сад оденет ветер
дальний колокол разбудит
заозерный плес далекий
где нечаянное чудо
по волне идет глубокой
в облака смеется звоном
и апрельскою грозой
отбежит по горным склонам
в свет заветного покоя

* * *

Смех рассыпал
Звёзды в ночь забросил
Холодок струится по хребту
Облака под месяцем что проседь
Время ты стареешь
На лету
К нам весна бессильна
По апрелю
Холода. На Север эшелон
Забит днями без тепла и цели
Как переселенцами вагон
Кажется давно не та эпоха
Мир неузнаваем
Может быть
Но вот также на пол-всхлипе вдоха
Той же Трои оборвалась нить

* * *

откинув фрак налью стакан перцовой
а после так как будто невзначай
к роялю подойду. увы не ново
лелеять грусть храня в душе печаль
аккорда два. и снова заунывно
в тон вечера и ночи февраля
все та же боль. пуста и беспричинна
от ноты — до — фальцетом верхний — ля
все сумерки. луна безмозглым блюдом
в простуженных белесых небесах
давно не верю ни судьбе ни чуду
Шекспир дурак. всему главою прах
не спится. да и надо ли? постыло
накину плед перцовки третий круг
что путь наш от бутылки до могилы
осознанный? да к черту милый друг

* * *

маятник с кукушкой спят
в стрелках — одеялах
ночь укрыла все до пят
звезды светят — мало
беспокойный шарик лун
полных заходящих
чуть звенит на колках струн
о ненастоящем
сны кружатся Hollywood-ом
водит вертит Хоакин
ночь мутна как мира лужа
в ней всегда плывешь один

* * *

Ноль минус ноль равно один
Шуршанье снега шорох льдин
И шепот свеч и лунный плеск —
на наст роняют звезды блеск
Вновь единица двойка ноль
Судьбы нечаянной пароль
На заклинание огня
Один и ночь сомнет меня
В кругу сойдутся три волхва
Из снега вылепят слова
Украсят хвоей чешуистой
И сумрак взмоет бури свистом
Узором выкроит стекла
На время — раз
На два — зола

* * *

может стоит помолиться? —
за кого Господь подскажет
за нечаянные лица
что во сне приходят каждом
может быть за тех кто в море?
и за тех кто в небе ясном
за начало всех историй
то печальных то прекрасных
а еще не по канону
что ли запросто обычно
мне не дай иной иконы
мне — мое. и все отлично

* * *

Наполовину женщину не славят
И на две трети моветон ма шер
Алмаз бесценен но цена оправы
Есть мера чувства. И его предел
Уменье быть купцом иль дворянином
Дается от пеленок да не всем
Хорош эскиз — не задалась картина
Султанов тьма — не каждому гарем
Я впрочем не сторонник многоженства
И одноженство тоже как когда
Одна Луна. И одиноко Солнце
Но за звездой всегда летит звезда

* * *

зимним утром
над Токатигава
красный туман
на мосту выпить чашку
зеленого чая
что еще нужно?

* * *

флюс Фассбиндера
ноет во рту
навевает
визуальную мировую маету
ну вы знаете
как в трамвае уснуть и проснуться в депо
а кругом — никого
время совершенно неясное
эпоха — невообразима
да что там Фассбиндер! соблазны все
струящиеся мимо
трамваи Годар де Фюнес немецкий синематограф
какое ныне десятилетие века?
треть бутылки в кармане осталась
только допить
и вернуть себе человека!

* * *

садится в трамвай человек умирающий
может гриппом он болен а может от старости
и трясется трамвай нет в механике жалости
как и в жизни неведомо как исчезающей.
он как память эпохи читающей пройденной
там где слово ушедшее: интеллигенция
для него новый мир что пустыня безводная
только память бликует насмешливой вечностью.
рельсы мокрые утро играет апрельское
и трамвай чуть звенит колокольчиком треснутым
человек у окна. пуст вагон только светится
коридор в облаках и Иакова лестница.

* * *

туманности и звуки
летающие в беспригрышную ночь
за нами след как в стратосфере
look it
мы самолеты
взлет
из мира прочь
обычно звезды падают
кто верит?
в судьбу в себя в китайский гороскоп
след в небе он как мост на дальний берег
как на доске не заданный урок
взлет разрешен
диспетчер дал отмашку
задание к полету в рукаве
рулежка пройдена
на полосе
а дальше
be welcome here
и ангел в синеве

* * *

lacrima omnia dolore sancti
где-то в Марокко а может в Леванте
брызгами дождь разбросался по пляжу
все как мираж. Не иллюзия даже
Чашка в руке остывает. Дымится.
В дымке кофейной случайные лица
Может из фильмов столпились небрежно
Вдоль побережья идут безмятежно
Дым выдыхаю и снова из дыма
Дом над водой
Там приют пилигрима
Может позвать? Что им берег и волны
Кофе налить коньяку рюмкой полной
Да не придут
Все волной растворится
Лица и кадры
Без прошлого лица

II

КИНОРОМАН

Исповедь случая Confession of a chance */Genius loci/*

Scenario di letteraria

«The chance — one's slave by fate or
Case is running errands of fate»
Someone of the Claudius

«Случай — раб судьбы, или
Случайность у судьбы на побегушках»
Кто-то из Клавдиев

Свет, ветер, утро.

Очень высоко Замок, Латорица, предгорья и камера в падении филина на добычу вниз. Можно увидеть саму птицу, на весь экран.

Филин опять взмывает, но в камере видим колокольню костела св. Мартина в Мукачево, шпиль падает в небо.

И вот мы уже в храме на утренней мессе.

Музыка *Palestrina, Missa Papae Marcelli, Kyrie.*

Людей немного, монашество, горожане, торговый люд, встречаются военные и немного знати.

Допускаются вставки богослужений наших дней, для Господа времени нет.

Здесь доминирует музыка, случайно схваченные лица в молитве и конечно интерьер костела.

Эмоция зрителя должна быть одна — предчувствие.

Выходим из храма.

Пантомима:

Пустая средневековая улочка, красная Коломбина кружит с белым Пьеро, они держат охапки роз и обмениваются ими, танец, танец, танец.

Вот оно — Начало.

Голос Замка:

«Младенец появляется на свет с пятнами материнской крови, так же приходим в мир и мы, Замки. А потом как судьба, кому родиться на свет на любовь, кому на войну, а кому на безвестность. Бывает и так, что все выпадает сразу».

Лес в горах близ долины Латорицы, на день пути от Русских Ворот.

Ближняя осень, палых листьев почти нет, но по густому туману утра каждая капля творит эхо, а хруст неосторожного шага звучит как струнный квартет в замковой зале.

По лесу чутко и внимательно едет небольшая группа конных, человек семь.

По тому, как они передвигаются, оглядываются и по тому неуловимому и едва слышному в тумане, сразу наглядно, что это передовая группа, разведчики, а главный отряд неподалеку следует за ними.

Всадники одеты весьма тщательно, ничего зверского, тонкие молодые лица. Это кочующие дворяне, степная элита. Разбой для них не способ наживы, а нечто вроде хобби, оттачивание воинского мастерства.

Переговариваются на тюркском.

— Давно здесь эти люди?

— Ермек вчера заметил на охоте, ставили шатры. Потом другие на телегах приехали, камень сгружают. — воинов много?

— А если я скажу сотня, Азат, ты что, передумаешь?

Смеются.

Очень раннее утро, еще не рассвело, околица села Сент-Миклош.

Чуть дымят костры с ночи, коновязь с несколькими полностью готовыми лошадьми, остальные стреноженные видны недалеко в поле, их охраняет один конный.

В лагере несколько шатров, полукругом на восток с дюжины две телег, груженных камнем и с разным рабочим скарбом, возле них пешие ратники, ночной дозор меняет утренний.

Возле центрального шатра переговариваются двое тяжелооруженных дружинников, лагерь просыпается.

Село за частоколом со сторожевой башенкой виднеется чуть дальше, шагов за сто.

Теперь нам виден десяток степных лучников верхами, они неслышно укываются в засаде к западу от лагеря, заходя в тыл и перекрывая дорогу к отступлению.

В подлеске в полной готовности к атаке довольно большая группа всадников, но не больше человек тридцати.

Показалось солнце.

Азат, начальник отряда, выезжает на открытое место и посылает первую стрелу. Она валит с коня дружинника, сторожащего табун, и одновременно град стрел осыпает лагерь, и караульных возле телег. Несколько зажженных стрел попадают в шатры.

Камера темнеет.

— Алга! — Азат посылает коня вперед.

— Алга! Алга!

— Алга! Алга! Алга!

Боевой клич почти видимой волной катится перед атакующими, выпускающими стрелы на рыси степняками.

Атака.

Мгновенные стоп-кадры.

В лагере боевая суматоха, к неожиданностям им не привыкать, готовятся к бою.

Двое — трое воинов бросаются к коновязи, может скакать за подмогой, может в контратаку, и тут в дело вступает отряд из засады.

Тела, утыканные стрелами, ложатся в полушаге от коновязи, исход ясен.

Здесь сцена боя как будто размывается, и в размытом тумане уже иное.

* * *

Отступающая колонна австрийских пикинеров и аркебузирив, еще в боевом порядке, шеренги пока палят залпами, но уже видно, долго им строя не удержать.

Их атакует конный отряд куруцев, одни на скаку стреляют из седельных пистолетов, другие уже схватились за сабли, пороховой дым, боевые выкрики, смерч и натиск.

Впереди одного из эскадронов тело-в-тело с конем скачет предводитель повстанцев.

Сабля едва на-треть вынута из ножен, оружие воин обнажает в схватке.

Вождь куруцев невероятно молод, юноша, почти подросток.

Он не кричит как его конники, лицо статуи работы Поликтета, чертой не шелохнуть. Все же глядя на него, одно только слово приходит на ум — Ярость.

Так бросался в бой, наверное, только один человек на Земле, Flagello Deum, сам вождь Аттила.

Позже мы его узнаем в фильме.

Это граф Имре Тёкёли.

* * *

Все закончилось.

Догорают шатры в лагере, ордынцы уходят, вытянувшись в две неравные линии, на арканах волокут пешими многих пленных.

Подальше на частоколе вокруг Сент-Миклоша видим вооруженных кто чем ополченцев, они бесстрастно глядят вслед степнякам. Никто не порывается на выручку, кто знает сколько еще орды в горах и время такое, что защищаешься, когда напали именно на тебя.

Сегодня набег миновал поселение, и хвала Господу!

Конники иногда оглядываются на село, один другой лучник иногда в шутку выпустит стрелу, но они попадают точно в частокол, убивать они не намеренны.

Одна точная стрела сбивает наземь шапку с головы крестьянина, степняки смеются.

Юмор победителя.

Пленные, особенно один из них.

Камера как впитывает лицо пленника, на нем же не единой эмоции, иногда глаза как подергиваются пленкой, становясь то прозрачными, то белесыми.

Невероятно странный взгляд.
Так глядел бы слепой Савл до встречи с Иисусом.
Мы не раз еще встретимся с ним в ленте.

* * *

Век спустя.
Долгая камера, без вставок, все одним планом.
От Русских Ворот к знакомому месту подтягивается
большой обоз с немалой охраной.

От него отделяются трое, подъезжают к невысоким холмам в степи.

Это предводитель отряда, знатный дворянин в дорожном доспехе, мастер гильдии каменщиков и староста села.

Всматриваются в холмики, из земли торчат остовы древних повозок, поросшие травой камни, обгорелое сгнившее дерево.

Молчат.

Старший оглядывает спутников

— Что же, не нам довелось начать, а завершим мы. Что кровью полито, то и свято. С Богом, братья!

Сцена постройки замка снимается полностью в театральной манере, как площадное действие. Возможно строителей сыграет приглашенный фольклорный ансамбль. Хорошей будет увязка с какой-либо реальной постройкой на территории Сент-Миклоша.

Например:

— Каменщики месят раствор и один мастер выбирает камни, укладывая по ему только ведомому замыслу.

— Далее переключаемся на фрагмент выступления акробата, жонглера или канатоходца — главных участников всех средневековых представлений.

— Работа плотников, подъем стропил, балок, etc.

— Турнир, рыцарский поединок из моментов на Серебряном Татоше.

— Внутренняя отделка, женщины — любая работа.

— Трапеза, утренние и вечерние воинские сцены — смена караулов, высылка дозоров, прием гонцов и совещания у командира отряда.

Сцены не займут много экранного времени, главное, чтобы все пронизывал дух карнавала и подлинного народного гуляния в канонах XIV–XV века.

Также в съемках на равных участвуют все четыре времени года.

Voluntas est superior intellectu **Воля выше разума**

Замок:

Я знал ее куда как раньше, чем она впервые въехала в мои ворота, от самой колыбели.

Время для нас совсем не то, что для людей.

И не только время.

Человек с факелом идет, кажется, бесконечными коридорами. Катакомбы, крепостное подземелье или тайные ходы в замке, понять невозможно.

Внезапно — рассвет над озером, недавний дождь, свежо невероятно.

На озере одновесельная лодка-долбенка, в ней очень молодая девушка, это Илона.

Девушка выбирает руками сеть, что-то приговаривает, как играет и дно лодки засыпает трепыхающейся и прыгающей рыбой.

Илона смеется, хлопает в ладоши, как-то умудряясь при этом вытащить и уложить на дно лодки сети.

Начинает грести к берегу, потом бросает весло в лодку, становится в полный рост, раскинув руки и отдав лицо солнцу.

Тишина над озером начинает просто отзванивать счастьем.

Лодка причаливает к берегу, ей навстречу встает поджидавший слуга, но не из простых.

— С уловом, твоя милость?

— Да, Лайош, посмотри сегодня сколько!

— Не каждому и рыбаку такое, твоя милость. Тебе как будто сам водяной рыбу в сети загоняет!

— Брось глупости, Лайош!
Парень помогает вытащить улов, ссыпает в корзину и
они идут к поместью.
Забавно глядит на Зрини: то ли паж, то ли оруженосец.
Камера в упор, и мы узнаем его.
Пленник, который был в начале фильма.
Взгляд Савла.

* * *

Дождь, осень.
Моросит то едва, то сильно, в остальном утро как утро и
во всем рабочая суета стройки. По грязи прокатываются те-
лежные колеса, тяжелые, мокрые, брызги в стороны. Лопаты
месят глину, ноги месят грязь. Сапоги, постолы, плетенные
лапти, босые ступни. Запрокидывается небо и дождь как льет
обратно в тучи, проясняется. В воздух на канатных подъемни-
ках плывут камни, стропила, от экрана как идет запах мокрого
дерева и камня.

Котлы, кипит смола для просмолки перекрытий и музы-
ка — свирель, бубен.

Стройка — карнавал без конца.

Под дождем счастливый работает жонглер, грим от ка-
пель течет по лицу.

Просто по лужам акробаты выделывают сальто.

Во всей невероятной сутолоке плавно и торжественно
шут кружит Коломбину — это придворный танец.

Подвал замка, довольно просторный.

Может будущий винный погреб, может оружейная.

По стенам вставлены семь факелов, по два с каждой сто-
роны и три у стены напротив входа.

Под тремя центральными факелами тесанный стол, на
нем свеча, чаша с водой, вино разлитое по кружкам и хлеб.

В зале полукругом двенадцать каменщиков, старший во
главе стола.

По очереди подходят к столу, ополаскивают руки в чаше
и берут кусок хлеба с вином.

Становятся в круг.

Старший вначале читает Pater Noster, затем хором:

*Quam Templum Salomonis aedificatum erat
Nec uis hostium eum superauit
Vsque ad permissu Domini
Voluntas eius in omni opere humano
Tuque, Sancte Stephane, officinae nostrae patron
Omnes cementarius et aedificantes
Rogamus
Hoc castrum benedic et defende
Et aedificans
Amen.*

*(как строился Соломонов храм, и сила врага не взяла его
До поущения Господа нашего
Его же Воля на всякое делание человеческое
И тебя, святой Стефан, покровитель цеха нашего
Всех каменщиков и строителей
Просим
Благослови и защити замок сей
И строящих его
Аминь)*

Старший мастер вынимает из стены камень, ничем не отличающийся от других.

Младший из подмастерьев подает ему пергамент с молитвой св. Стефану, он вкладывает его в нишу, затем камень кропят святой водой, заливают свечным воском, и мастер одним движением возвращает его на место.

Стена выглядит нетронутой, ни единого следа только законченного ритуала.

Факелы гаснут.

* * *

Рихард Вагнер, *Die Walküre, Magische Feuermusik*.
Съемки концертного исполнения, главное — лица музыкантов, зрительный зал освещен и пуст.

Голос Замка: а эта история начиналась так.

Новолуние.

Лесная дорога, лютый декабрь, сумерки.

Сейчас нам видны только силуэты всадников, крытой повозки, фонари в руках конных, блики на дороге, силуэты деревьев и прочее.

Этот театр теней странным образом трансформируется в театр марионеток, с которыми бродячие актеры выступают на ярмарках.

Актер крутит ручки деревянного ящика, от чего на сцене как бы двигается лес с молодым месяцем, несется карета, а за ней скачут всадники.

Его помощница хлопает в литавры — это раздаются выстрелы.

Актер достает марионетки, опускает их в ящик — на сцене разбойники окружают карету.

Снова в лесу.

Перед кавалькадой с треском валится дерево, но здесь нападавшим не везет.

Дерево в падении цепляется за ветви на другой стороне дороги и замирает как буква «Л», упавшая на бок. Оглушительный хруст, как будто ломаются ребра горного великана, снежная пыль, сухие листья вздымаются столбом.

Тем не менее, ущерб не велик. Поваленный ствол сбивает с коня единственного всадника с левой стороны дороги, а от разбитого фонаря, вылетевшего из рук, в мгновение вспыхивает сухостой на обочине.

Вся же сцена совершенно inferнальная.

В огне видно, что в образовавшиеся ворота может спокойно проскочить вся кавалькада, но ее уже окружают выпавшие из леса люди.

Их как по одному выхватывает огнем из сумерек, лица твоих кошмаров, без преувеличения, человеческого в них немного.

Здесь узкие глаза и скулы татарина, вытянутый череп с белесыми патлами скандинава, спутанная черная грива и длинные усы валаха, давно не бритая казацкая головы с оселедцем.

Лохмотья невероятные.

Что общего у всех, так это крайняя степень истощения и озверения, голодные демоны ада.

Удивляться здесь нечему.

Сначала через наши края прошли полки Дьёрдя Ракоци с союзными запорожцами Хмельницкого, побывали шведы Карла Густава, прокатились огненной лавой крымцы какого там Гирея и под занавес огнем и мечом, как любят выражаться в Пospолитой, войска Сапег и прочих в союзе с теми же запорожцами.

Каждая армия оставляет своих дезертиров, бегут в лес уцелевшие крестьяне и все становятся чем-то одним, стаей полулюдей, полупсов или Werwölfe, на языке северных братьев.

Упавшему всаднику не везет первому. Его сразу прибавляет к земле рогатина.

Остальные уже в рубке, пистолеты отстреляли, в дело пошла сабля.

Нападавших больше, но куда им. Эти оглодавшие тени годны только на беззащитных. Их сбивают копытами, рубят саблями, толпа рассеивается.

В крытую повозку, обрывая кожаный фартук вваливается страшная в спутанных черных кудрях фигура с ятаганом.

Внутри подросток лет пятнадцати и две закутанные в меховые полости женщины.

Мальчик держит в руках два небольших пистолета, выстрел первый, второй.

Черный с воем вываливается наружу.

Ференц I Ракоци убил первого в своей жизни врага.

Ясная ночь, высыпали звезды, ясно светит молодой месяц.

Упавшее дерево, по земле валяются темные кули, две — три лошади без всадников бестолково мечутся по лесной дороге.

* * *

Конец марта, воскресное утро близ замка Сент-Миклош.

Природа поет. Только появившейся листвой, птицами, невероятно юным мартовским солнцем.

Вкруг только выстроенного замка импровизированная ярмарка.

Нарядные крестьяне из Сент-Миклош, торговцы у своих телег, дружинники навеселе, немногая знать. Здесь же и балаган с бродячими артистами, дудки, барабан, свирели. Народ пьет и веселится кто на что горазд.

К замку подъезжает несколько карет, как они выглядели в XIV от Р.Х.

Без рессор, кузова подвешены на ремнях.

Из них выходят епископ, причт, служки. Веселье стихает, начинается молебен и освящение Замка Сент-Миклош.

После освящения стен, епископ, несколько монахов, барон Переньи с приближенными и гильдия каменщиков входят в замок.

Идут в каминную залу, освящают камин.

Закладываются дрова, барон и глава артели с молитвой разжигают камин.

Над Замком в весеннее небо поднимается первый дымок.

Так я и появился на Свет Божий.

Хотя, по правде сказать, давно уж живу в этих местах.

Да не все открыто для людского разума.

Конец февраля, оттепель.

Снег тяжелый набрякший, покрыт ледяной корочкой.

Высокое сухое дерево с краю леса вдали от Замка.

На ветку садится ворона, чуть покружив над ней, на соседнюю садится другая. Впечатление, что обе птицы смотрят на замок.

Каркая, над деревом начинает кружить вся стая, она как бы переругивается с сидящими подругами.

Наконец обе вороны взлетают с дерева, и стая начинает метаться над пустошью между лесом и замком. Кажется, что их тысячи, этих птиц, впечатление полного хаоса, орущего и мечущегося, иногда он кажется карикатурной мультипликацией от Босха, затем снова какая-то взбешенная реальность.

Длится все коротко, потом ясное небо, пустошь, замок.

От села доносится первый колокол к заутрене.

У нас 1547 год от Рождения Спасителя нашего.

Стол в зале накрыт, горбун-виночерпий греется у камина, ждет, когда спустятся хозяйева.

— Францык!

Горбун встрепенулся.

— Францык!

— Где ты, черт горбатый?!

К горбуну стоит присмотреться внимательней. Имя это его или прозвище, никто в замке и не помнит, а помнит ли он сам? — да кто знает.

На длинном одутловатом лице мысли долго не гостят, точнее прыгают как рябь по луже, пегая щетина, высокий лоб и лисьи глаза под ним, зелено-рыжие, с искоркой.

Камин вдруг затрещал. Наверно порывом ветра в залу выдуло клуб дыма с искрами.

Горбун замер и перекрестился.

— Jézusmária istennek Szent Anyja..

— Францык, разбей тебя гром!

Горбун уходит по лестнице в спальню

Остатки дыма поднимаются за ним.

Сумасшедшая девушка сидит под лестницей, то заплетает, то расплетает волосы, поет:

Мертвые туфельки бегают в спальне
Темная ночка пуста
Где ты мой миленький где ты мой маленький
Я тебе вытку холста
Птички на нем будут алые алые
Крестиком вышью траву
Мы на могилку приляжем усталые
Что ж тебя все зову
Птички слетят на распятие белые
Снова зима у ворот
Миленький мой что же я то наделала
Где ты который уж год..

— Гжатка!

Горбун цыкает на девушку, но видно, что беззлобно.

— Гжатка, а ну цыц!

— На кухню иди, молока попей. Видишь, хозяйева еще не вставали!

Сумасшедшая улыбается и встает. Идет она удивительно плавно, только подол выдвигает какой-то странный танец, ее платье живет отдельно от нее.

Кухня огромна или она ей такой кажется.

Замирает.

Мы смотрим на кухню ее глазами, а она вдруг маленькая и ей все видится невероятно большим. Кукла из коробки, которую только что достали дети.

— Гжатка, молока хочешь?

Девушка оборачивается.

Видим кухарку, ее же взглядом, и потому она как большая и теплая розовая тень с кувшином молока, кувшин светится белым, хотя он самом деле обычный, глиняный. У девушки зрение живет по своим правилам, порой невероятно резкая отчетливая реальность, порой причуды света, объемов, размеров.

Если она видит настоящее, значит, Гжатка невероятно испугана, ее просто топит страх.

К счастью, это случается редко.

— Пей милая, пей.

Каталин, кухарка.

Лет около тридцати, статная, тонкое, властное лицо, чувствуется, ее доброта не всем. О том, что простолюдинка говорят руки, большие, полные руки женщины, умеющие все, как праматерь наша. Одета почти изысканно, и если бы сказали — умелый уют, то точно об ее кухонном царстве.

Гжатка издает какой-то птичий звук и припадает к кувшину.

Кухня растворяется в молоке утра.

Река Латорица.

По берегу почти заходя в воду неуверенно ступает кобыла, шатается. Морда лошади изрублена, похоже она не может видеть. К шее лошади припал всадник, руки болтаются, поводья просто висят. Спина всадника изуверски располосована, так не добивают.

И, он живой!
По мере того, как они удаляются, картина становится все ирреальней.

Невероятно блестящее зимнее Солнце.

Кровь, гниль, дым, вода.

Кровь, гниль, дым, вода.

Кровь, гниль, дым, вода.

Vér, rothadás, füst, víz.

Турки!

Törökök!

— Mesdames et messieurs!

Улица близ рынка в Мукачево, на углу стоит истоптанный дорогами мальч, лицо грубо раскрашено красным и белым, в красном же шутовском колпаке. Из-под колпака патлы горелой соломой.

— Schau, lache, zahle Geld!

— Szia, köszí, jó!

Перед малым стоит деревянный ящик для кукольных спектаклей. Рядом выделяет сальто и прочие акробатические трюки девчонка лет двенадцати, с серьезным, нахмуренным лицом.

— Marquette, somriu al public!

Он ей.

Вся публика — человека три — пять зевак. Всем зябко.

— Mesdames et messieurs!

— Смотрите, смейтесь и платите!

Девчонка делает какой-то невозможный кульбит и оставливается.

— Наше самое смешное представление: Королевская охота!

Мальч достает несколько марионеток, опускает их в ящик. Кажется, у него все руки заняты, но при этом он еще крутит декорации в ящике, видна грубо намалеванная снежная чаща.

Народу все больше.

В ящике бежит олень между рогов золотая корона, за ним гончие и всадники. Все это сопровождается речью то на немецком, то на французском, то на латыни, видимо рассказывает историю оленя.

Девочка при этом крутится как мельничное колесо, ей начинают хлопать и бросать мелочь на коврик.

Олень в ящике останавливается, и, наклонив рога бросается на охотников.

Шут мастер своего дела. Собаки путаются с охотниками, те с собаками, падают, каждый следующий эпизод смешнее предыдущего, народ покатывается от хохота.

Балаган окончен.

Малый достает свирель и наигрывает знакомую всем балладу.

Только сейчас замечаем, насколько он молод.

Девочка кружится.

Пустая улица.

Спальня в замке Сент-Миклош.

Утро залито в окна до краешков.

Барону Мате Переньи хорошо за сорок, его жене Эстер около тридцати.

Супруги давно проснулись, но покидать кровать не спешат.

— Что тетка твоя, писала тебе?

— Не знаю Мате, гонца ж еще не было.

— Хм. Однако.

Барон привычно обнимает супругу, гладит ее по щеке. Улыбаются.

Двое.

Двое, двое, двое.

Скольких перевидала моя спальня? Только ни измен, ни скандалов не видела.

Нелюбовь обходит мои стены.

Вот Смерть, заглядывает.

— Францык, дурень горбатый! Ступеньки считать разучился?! — барон, беззлобно — насмешливо.

Горбун наконец в дверях, направляется к алькову, несет поднос с кувшином, двумя небольшими кубками и хлебом. Наливает вино, супруги раздумчиво едят, каждый в своих мыслях, слуга присел неподалеку.

Молчание.

Свет в окнах.

Спальня.

Кухня.

Там уже одна Каталин со своей стряпней, Гжатка вернулась к себе под лестницу.

Развод караула на стенах.

Две телеги подъехали к воротам, пока их разгружают возчики беседуют между собой, все время срываясь на хохот.

Снова кухня.

Каталин отдает распоряжения двум младшим кухаркам.

На стену вышел кот, потянулся, уселся в позе наблюдателя.

Барон и баронесса закончили с вином и хлебцами, тихо переговариваются, слуга ждет с посудой.

Баронесса оборачивается к нему.

— Спой нам про Яна Туроша, Францык!

Горбун улыбается, берет лютню и начинает петь школярские куплеты про известного хрониста.

Лютня не особенно настроена, да и он едва аккомпанирует, но песенки от этого только выигрывают.

Муж и жена смеются. Внезапно Мате одним движением крепко обхватывает Эстер, и они целуются так, как молодожены в первую ночь.

Францык чуть ли не с нежностью смотрит на них. Не для его лица такое чувство.

Но когда мы видим только его лисьи глаза, в них смесь тревоги с отчаяньем. Они уже совсем рыжие, зелень пропала, зрачки то сжимаются, то расходятся.

Барон чувствует настроение слуги. Он ему скорее давний приятель, чем прислуга.

Оборачивается.

— Францык? Ну?

— Нехорошо было утром, твоя милость.

— Что там? Говори!

— Дурное. Ветром так в камин хапнуло, весь дым выдуло и золу пораскидало.

Как в подтверждение его слов от сильного удара ветра стекла в рамах захлебнулись звоном.

— Францык, одеваться!

Жене — зови свою!

Эстер громко хлопает в ладоши и зовет свою горничную.

Лесная дорога.

По ней движется большой турецкий отряд.

В основном это легкая конница — акынджи, но есть и регулярная пехота с аркебузами, сотни четыре. Тяжелых всадников — сипахов и артиллерии нет.

То, как они идут, как рыскают по дороге и в лес акынджи, отряд или сбился с пути или отстал от главной армии. Вообще говоря, в них самих, в лицах, в характере движения видна и настороженность, и тревога.

Тем не менее, дисциплина и ощущение своей силы налицо.

Замок с высоты, потом внезапно и близко, до каждого камня, бойницы, лица караульного на стене.

*Мои стены как набухают,
так борец ощущает свои мышцы перед схваткой.
Я такой же живой, как вы, люди.
Слово Бог пишется кровью.
Verbum Dei scriptum est in sanguine.*

Карусель
Carrousel

Ярмарочная площадь в Алба-Юлия, столице Трансильвании.

Площадь огорожена временным деревянным забором, на нем же разноцветные флажки и гирлянды. Напротив ворот импровизированной арены, построены в пять ступеней ряды скамей и нечто вроде ложи. Там расположились княжеский двор, старшина города, дворянство и самые именитые из горожан.

Среди публики видим немало иностранцев.

Состав довольно пестрый, что для внимательного наблюдателя как *mene, tekel, fares* на пиру Валтасара — неспокойные времена совсем близко, если еще не начались.

Небольшая группа турецких вельмож, хладные, надменные лица, между собой не говорят и, явно стараются не выделяться, во всяком случае, не быть в первых рядах зрителей.

Французы, у них компания побольше, оживленный разговор, смех. Впечатление, что предстоящее зрелище готовили исключительно в их честь.

Во всяком случае, они точно не чувствуют себя в гостях.

Одеты с роскошью, единственно возможной подданным Его Величества Людовика XIV, Короля-Солнце, вот только человек наивный увидит в них придворных. Все военные, скорее даже военачальники.

Часто попадаются выходцы из немецких земель и австрийцы.

В основном держатся сами по себе, и эмоций не прячут, хоть сейчас в драку. Кто католик, кто протестант замечаешь мгновенно, хотя сейчас — им что Лютер, что Кальвин, что Папа Римский, есть и поважнее вещи.

Иноземцы в принципе-то стараются не замечать друг друга, но, если случайно и встретятся взглядом, то просто-душно удивление — знать не знали, ведать не ведали, какая приятная неожиданность.

У нижней скамьи, вцепившись ручками в ограду стоит пятилетний Имре Тёкёли со своим дядькой (он и воспитатель, и одновременно телохранитель дитяти).

Видно заслуженного вояку, просесть, что в усах, что кудрях, морщин от рубцов не отличить. Да такого тронь, слово «старость» ему незнакомо.

Глаза мальчика широко раскрыты, он весь ожидание. Усидеть на скамье такое дитя понятно не может.

Вкруг ограды столпился народ попроще, яблоку негде упасть.

Все ожидают еще не виданную здесь новомодную французскую забаву, называемую *carrousel*. Словечко это каждый произносит на свой лад, стараясь чтобы звучало как можно более иностранно, отчего коверкают презабавно.

Наконец в центр импровизированной арены выезжает герольд, вслед за ним выходит дюжина трубачей в цветных камзолах.

Герольд отдает поклон княжеской ложе и подает знак к началу представления.

— *Carrousel!*

— Трубы!

Толпа взрывается радостными криками и хлопаньем.

С карнизов домов вокруг площади взмывают перепуганные голуби.

Рев труб буквально долетает до солнца, лучи горят, перебиваясь на меди.

Неподвижно — голубиная стая в небе, а под нею кружит арена и зрители кругом ограды.

Весь город виден с голубиноного полета, заледенелый Муреш, пересекающий его, уличная суета и безмолвные заснеженные поля кругом.

Только городская площадь пульсирует всеми красками как радужный шар.

С первыми звуками труб малец буквально вцепился в рукоять сабли дядьки. Тот попробует было оторвать руки ребенка от оружия, да малыш так сверкает глазами на воспитателя, что тот оставляет попытки.

На арену выезжает первая кавалькада всадников, следом еще три. Первая одета маврами, как их представляла тогдашняя публика (мы видим, как насмешливо улыбаются и переглядываются турки в толпе), вторая представляет собой крестоносцев, две оставшиеся просто отличаются цветами камзолов и плащами — одни в желтом и оранжевом, другие в малиновом с черным.

Представление началось. Ребенок уже и про саблю забыл, хотя и из рук ее не выпустил, только глаза как два горящих блюда.

* * *

Турецкий лагерь близ Браила на Дунае.

Обычная войсковая суета: костры под котлами, меняются караулы, кое-где особо ретивые командиры занялись воинской муштрой. На первый взгляд особого порядка не видать, каждый при своем деле, но присмотришься — и все здесь как огромный часовой механизм: каждая пружина на месте, каждая шестерня вращается в лад с другими и уже слышишь барабанную дробь, под которую живет весь лагерь.

Чуть в стороне от турецких палаток, но не отдельно, расположился небольшой отряд куруцев.

Здесь тихо.

Воины большей частью у палаток, верховые кони собраны вместе, но не расседланы, тягловые не выпряжены из повозок, оружие у каждого при себе.

Ожидание.

Шатер командующего в центре лагеря.

В шатре натоплено, воздух желтый и густой как масло, хоть ножом режь, и такая же густая тишина.

Огонь — шуршит в очаге.

Светильники — шепчут.

Полог в шатре задернут наглухо — лагерь не слышен.

За чаем сидят двое, полное молчаливое внимание, глаза в глаза.

Один, Мехмед Керим-паша, командующий турецким войском, другой предводитель куруцев, Имре Тёкёли.

Паша молод, он может даже ровесник Имре и, несмотря на птичий нос и бороду в цвет вороньего крыла, явно не турок; он вероятно албанец, а может и из южных славян.

Молчание не натянутое, игра внимания обоих стоит времени.

Первым прерывает молчание паша:

— Твое предложение принято, граф.

Имре кивает в легком поклоне.

— Рад сообщить тебе, что владыка наш, всемилостивый султан Мехмед IV, да несчетны будут дни его, берет тебя, граф Тёкёли и войско твое, под свое всемилостивое покровительство.

— Его Величество, Мехмед IV, Владетель Блистательной Порты, рассчитывает найти в тебе граф, и в людях твоих, добрых подданных!

— Передай Его Величество султану, мои заверения в искренней преданности и усердии.

Мехмед Керим-паша касается ладонью груди, чуть кивая в ответ.

— Слава Великому падишаху.

— Теперь же граф, изволь сдать саблю, своим тоже вели сдать оружие джебеджи-паше, и готовиться выступать.

Ироническая усмешка на губах Имре, зато в зрачках — полыньи.

— Да ты видать дурно воспитан, эфенди, или наших еще плохо узнал? У нас и мертвый сабли не отдаст. Поди, заberi у кого в поле. Только с рукой и возьмешь.

Паша — чертой не шелохнет. Так смотрит сама власть, человека здесь нет.

И внезапно весело, и заразительно смеется, так, что невольно начинает хохотать и Имре.

— Эфенди?

— Эфенди??

— Да ты весельчак, граф, как я посмотрю!

Эфенди, знаешь ли, мне коня подводят!

И так же неожиданно протягивает Тёкёли руку.

— Ступай граф.

— Вели сбор.

* * *

Алба-Юлия, поздний вечер. Звезды высыпали, по всему ощущаем, ночь будет морозной.

Посреди площади пылает большой костер, кругом выставлены факелы.

На площади работный люд, все по глаза укутаны кто во что, разбирают ограду, скамьи и ложу. Что грузят на подводы и увозят, что сжигают на месте.

Пар от лошадиных морд, пар от людей, у кого и ресницы инеем покрыло.

Звезды на все небо, безлунье.

Ох, и холодно!

Triste bien-etre
Печальное благополучие

Hotel Jacques le Vovard, что на улице Сен-Жерве близ Гревской площади в Париже. Обычное место проживания семьи Зриньи в их редкие посещения Королевства Трех Лилий (Royaume des Trois Lys).

Покой матери Илоны, Катарины.

Катарина сидит за изящным бюро парижской работы, такие в галантные времена именовали bureau Bonheur-de-jour. Графиня занята более чем серьезным делом, правит недавно вышедший в Венеции молитвенник L'amico del viandante (Друг странника), который составила она сама.

Работа ответственная, выправленное издание назначено в подарок Ивану Белостенецу, известному ученому соотечественнику Катарины.

Но с работой никак, всю комнату заполняет собой взволнованная раскрасневшаяся Илона. Ей уж восемнадцать, да что там — неудержимая, порывистая девочка, какой была и пять, и десять лет назад.

— Илона, не бегай по комнате!

— Мама!

— Илона, учись уже сдерживать себя! Ты взрослая девушка!

— Мама!

— Илона, ты видишь же, я пишу!

— Мама!!

Девушка замирает посреди комнаты, взмахивает руками и упрямо смотрит на мать. Шутливый поединок двух женщин заканчивается дружным смехом.

Катарина отодвигает от себя чернильницу и книгу, Илона подбегает к ней с очередным нарядом.

Таинство.

Сегодня первый в жизни Илоны визит в Лувр, в Париже она тоже впервые.

* * *

Современный цирк, идет выступление акробатов.

Под куполом на трапеции девушка, трапеция то летает крест-накрест, то кружит вокруг арены. Она лежит грудью на перекладине, руки распахнуты, вытянута как струна, летящая птица. Прожектора точно выхватывают ее под куполом, полет каждый раз как внезапно возникает из пространства.

Четыре группы акробатов на арене, по три артиста в каждой, одна напротив другой.

Удар литаврами, и они бегут друг к другу в центр арены.

Выстраивается пирамида, один наверху, теперь прожектора не отрываются от трапеции и акробата на верху.

Девушка летит с протянутыми к нему руками, он в порыве навстречу, но, трапеция пролетает мимо, он в повороте всем телом следует за ней и, в какой-то момент, пирамида, начиная с него рассыпается и все оказываются в разных концах арены, только группы смещаются по часовой стрелке.

Выстраивается пятая пирамида.

Оркестр играет туш.

Во время пролета трапеции верхний акробат делает прыжок, используя как трамплин руки двух нижних партнеров, сальто — и он повис на перекладине.

Дальше их движения полностью синхронны: он делает стойку на руках вверх и перехватывает перекладину ногами, она скользит вдоль него вниз и вот уже в его руках снова выпрямляется как в полете.

Оркестр — лирические импровизации.

Трапеция круг за кругом опускается к арене, против ее вращения акробаты на арене друг за другом передвигаются в сальто. Момент окончания трюка предыдущего артиста — начало следующего.

Fin joyeuse — на сцене звезда из двенадцати лучей — акробатов, в центре застывшая одним телом пара.

le temps ne veut rien dire

* * *

Спальня Илоны, давно за полночь.

В комнате на первый взгляд все спокойно и уютно, но только на первый.

Присмотревшись, создается ощущение, что какой-то безумный карлик наводил здесь порядок.

Дверь в комнату.

Чувствуется, что она заперта наглухо. Полузадернутая портьера у двери.

Свет в покоех.

Смотрим и понимаем, что подсвечники никогда не стояли на этих местах.

Зачем возле них разложены свечи?

Аккуратно сложенное платье. Но ему не место на туалетном столике.

Из драгоценностей, лежащих на трюмо, как будто тихий маленький безумец пытался выстроить египетскую горку.

Книги кукольным домиком.

Невеселый порядок и освещение в тон.

На кровати в ночной рубашке сидит Илона. Явное смятение, лицо горит.

Обхватывает себя вместе с коленями руками, опускает руки, снова.

Кажется, пробует ударить себя по щекам. Нет.

Подбегает к бюро, сначала разглаживает измятые, потом рвет в клочки листики бумаги.

Записки?

Заметки?

Снова к кровати, останавливается на полдороги.

Очень спокойно подходит и садится к трюмо.

Пьет. Медленно. Наверное, белое вино.
Локти в трюмо, лицом падает в ладони и пристально
смотрит на себя в зеркало.
— Хочу любить!
— Да!
— Я хочу любить!
— Вот! Улыбается и вдруг спокойно засыпает.
Прямо на столике трюмо.

l'amour est un cas
Liebe ist ein Fall
l'amore è un caso
любовь это случай

le Pêché est Nous **Грех это мы**

Замок Паланок, покои графини Батори.
За окном выюжит, снег с бликующей луной, ее серп как
парусник в шторм, то ныряет в тучи, то выносится на гребне
обратно.

Камин трещит, и здесь впечатление довольно странного
уюта. Покои Астарты, в них хорошо, но лучше шел бы мимо.

Графиня в кресле поближе к огню, перед ней стоит стат-
ная деваха, личико порочной невинности в обрамлении золо-
тисто-белокурых барашков.

«Весна» Боттичелли, дева в цветах справа ее точный
портрет.

Игра глаз особенно занимает, то в них томная невин-
ность, когда она с показательным вниманием прислушивается
к графине, то — куды бы делся, ежели б разделся-, когда
прислушивается к своим мыслям.

Сухие губы графини, слова шелестом:

— Приглядиись к нему и дай заметить, что приглядыва-
ешься

— Да, сударыня..

— И смотри Лукреция (как совпадают имена!), мальчик
он нежный, уж точно не в отца! — так смотри, чтоб не привя-

зался сильно! — нежничай, играйся, неприступной из себя не строй. Не хочу, чтоб юбки им в жизни вертели.

— Конечно, ты права, твоя милость..

— Не перебивай! — и — надоешь ему, поняла? Чтоб сам тебя оставил.

— Все сделаю барыня

— А сделаешь — ступай!

Лукреция глубоко приседает перед графиней и удаляется. Кажется, что все соблазны римских лупанаров шлейфом за ней.

Графиня откидывается в кресло, пригубливает вино. Сама с собой — ох венецианка, хоть и верная.

Да одно, за такой глаз да глаз.

В комнате Ференца клавесин, скорее голландской или немецкой работы, вещь не частая у вельмож того времени.

Ференц задумчиво ходит по комнате, подойдет к инструменту, два три раза ударит по клавишам.

Отойдет.

Подойдет к бюро, макнет перо в чернильницу и, не написав ни слова, положит перо обратно.

Наконец, оставив творчество, подходит к стене и снимает шпагу. Салютует, принимает исходную стойку.

Attaque! Fleche! Battement!

Игра с оружием увлекла по-настоящему, шпага превращается в разящие, сверкающие дуги, они сменяют друг друга непрерывно.

Неожиданный шум в коридоре отвлекает фехтовальщика.

Полураздетая, искусно растерзанная Лукреция, просто падает в объятия молодого графа.

— Ах, сударь, у меня в комнате такое! Я насмерть перепугана!

— Да что с тобой, говори!

Ференц с одной стороны, как бы старается приобнять, защищая и успокаивая девицу, с другой как можно менее касаться разгоряченной женской плоти.

Получается плохо.

Юноша почти пунцовый.

— Там призрак! — почти в истерике визжит девица. Она в полуобмороке просто падает ему на руки. Он не видит ее лица.

Очень хорошо, что не видит, Лукреция наслаждается спектаклем, какая улыбка! Глаза — бездна вакханки.

Ференцу приходится буквально волоочь ее в комнаты служанок.

— Да какой призрак, что за глупости?!

Девица закатив глаза только порывисто дышит. Грудь ходуном, рубашка ни черта уже не скрывает.

* * *

Горбун сидит у камина, смотрит на огонь.

...немного яда в солнечной воде. Все же политические убийства в империи отличались некоторым благородством. Удар копьём под видом клыка вепря на охоте все же не медленный яд флорентийского семейства..

Над Мукачевским замком глубокая ночь.

Молодой месяц как прилег в дреме на башне главных ворот.

Позванивает эхо из караулки, оружие, движутся тени часовых.

Комната Ференца.

Парень спит, и странная улыбка застыла во сне не то счастья, не то страдания.

* * *

Рукопись, стопка чистой бумаги, перо и чернильница рядом.

Плошка, горит, чадит.

Чья-то рука поглаживает исписанные листы, перебирает их, складывает аккуратной стопкой.

Перо опускается в чернильницу.

И пишет, пишет.

Пишет.

Смальта. Мозаика. Калейдоскоп

По горящему дымному облаку величаво ступает графиня София Батори.

Платье — красная парча, подол — облачный шлейф. Графиня поднимает крест и его начинает обсыпать молниями. Удары грома один за другим, пляшут огни внизу и вдруг — графиня маленькая. Точнее она кукла — марионетка, мы видим нити, но не видны руки актера. Вот деревянный молоток, с размаху бьющий в жестяной лист и все на фоне старой, древней, закопченной, кирпичной кладки.

Снова что-то сверкает, но это просто взмахи факелом перед зеркалом. А в нем как в облаке появляется обнаженная Илона.

Видна буквально несколько мгновений, затем рассыпается огненными искрами, как бревно уронили в ночной костер. Слышим, как молоток с грохотом ударяет в лист.

— Ференц! Ференц, проснись!

Женская рука тормозит плечо спящего юноши.

Постель стремительно проваливается вниз, вслед за ней монастырская келья, окно и под взглядом кружат монастырские крыши.

Чернечья гора близ Мункача, глубокая осень.

Год 1661 от Р.Х.

— Ты принес письмо Лайош?

Белесый замер в приоткрытой двери, света на нем нет.

Горит камин, блики от свечей от окна к двери и обратно. Мы его в искрах и видим, как горит на медленном огне. Что в его белесых глазах? — ведьмы бы сжалились.

— Где оно?

Тишина необыкновенная, за окном плеск воды, иногда слышны весла, треньканье на лютне или мандолине, смех. Италия не спит никогда, Венеция особенно.

Малый подходит, передает Илоне миниатюрный розовый конверт и спиной, как механическая кукла, быстро отходит снова к двери.

Передать передал, но выглядит так, что она его как из воздуха выхватила.

Распечатывает письмо.

Читает.

Affascinante donna!

Sei impareggiabile, nessun ragazza veneziana puo eguagliare te!

Confesso che prima di te non conoscevo la bellezza!

Credimi, sono ai tuoi piedi, fai di me quello che ti piace!

Una cosa ti chiedo!

Oggi all'una dopo mezzanotte, apri la tua finestra sul canale!

Lascia che il mio umile canto illumini la tua serata!

Divina principessa!

Ti supplico!

Lodovico, Conte Da Varano

(Обворожительная донна!

Вы несравненны, ни одна венецианка не сравнится с вами!

Признаюсь, я не знал красоты до вас!

Верьте, я у ваших ног, поступайте со мной как угодно!

Об одном прошу вас!

Нынче в час по полуночи откройте ваше окно на Канал!

Пусть мое скромное пение скрасит ваш вечер!

Божественная! Умоляю вас!

Лодовико, граф Да Варано)

Все женщины ее портрет.

Девичье удовольствие, лукавая улыбка, хладность зрелой матроны. Вся игра и сеть от Евы до Дианы Пуатье.

При чтении мы все время видим Савла — Лайоша, на нем по прежнему отражается почти погасший огонь в камине, отблески свеч. Если бы демоны в аду могли плавиться, то они выглядели бы именно так.

— Лайош!

— Да, твоя милость?

— Вели принести цветочной воды и розы

— Слушаю, твоя милость

Какое-то время спустя.

Илона приоткрывает окно и чуть отодвигает тяжелую штору.

С канала доносится плеск воды, легкое треньканье струн, певец настраивает инструмент, пробует голос, потом тихо. Из лодки слышен приглушенный смешок.

Смех чуть коробит ее, лицо что мрамор Афродиты.

Послушав несколько строк канцоны, не глядя бросает в окно розу, закрывает его и задергивает штору.

В зеркало смотрит ли, нет, торжество красоты перед нами.

Про певца она уже забыла.

София с сыном идут на раннюю мессу в храм монастыря. Очень бело и очень серо, контраст снега и стен режет глаза. Так же разнятся друг с другом Ференц с матерью, стан и походка вдовствующей королевы, надменная приветливость на лице каждому поклону и одновременно намеренное и, пожалуй, натуральное безразличие на лице парня. Довольно нелегко, душа порывистая, мимика живая, но здесь характер — внезапный возврат к лону римской церкви ему претит.

Потрясающая торжественность бенедектинской мессы подчеркнута почти аскетическим убранством монастырского собора, черными рясами и сандалиями, несмотря на снег и холод на улице, монахов. Миряне одеты во все лучшие, но краски их одежд только придают объем белому и черному.

Графиня Батори входит в собор как посланница царства земного, сдержанное великолепие. Ференц подходит к чаше со святой водой, чуть касается пальцами и идет за матерью. Мы не пойдем, перекрестился он или нет.

Какой-то жест, похоже, был.

Идет месса.

Софья внимательно следит за богослужением, трепетик в живых пальцах, но о Ференце не забывает. Он же где-то не здесь. И в какой-то момент, благоговейно прикрыв глаза — засыпает. Мать не будит его.

Во взгляде и материнское чувство, но в тоже время совершенно явное превосходство не по отношению к сыну.

К мужчине.

Запоздалое торжество над покойным супругом.

Конец апреля в замке Сент-Миклош.

Идет ярмарка и конечно народное гуляние. Когда-то давным-давно, таким же весенним днем было закончено возведение замка, с тех пор и повелась эта главная в году ярмарка. Причина давно забыта и называют ее просто, ярмарка на святого Стефана—Строителя.

Над крышей замка на двух высоких шестах натянута веревка, увитая цветными лентами. Шесты тоже убраны венками и гирляндами. На них каким-то чудом то на одной, то на другой ноге стоят две жонглерши с набором разноцветных колец.

На самом канате балансирует шут в ярком оранжевом с желтым камзоле и красном колпаке. Первая жонглерша посылает ему одно за другим свои кольца, он на лету перехватывает и тут же отправляет второй девице. Та свою очередь ловит и отправляет ему уже все кольца разом. Издалека шут как фонтан на веревке, сыпящий разноцветными струями.

Народ зачаровано смотрит на представление.

Затем девицы уже жонглируют между собой, над шутом как радуга провисла. Малый в свою очередь колесом крутится на канате под дугой и после нескольких кульбитов в сальто спрыгивает с каната на крышу.

Из толпы общее — Ах! Народ замер. Малый встает во весь рост и на обе руки одновременно принимает кольца от обеих жонглерш. Те легко соскальзывают с шестов и в изящных позах становятся рядом. Аплодисменты и крики взрывают ярмарку.

Пока длилось представление, небо затянуло тучами.

Ливень.

Крики, суета, все кто куда, в замок, под навесы, в повозки.

Хляби небесные.

Мокрые юбки, мокрые ноги обутые, босые несутся во все стороны, расплескивая грязь как праздничный фейерверк.

Тучи так же внезапно расходятся.

Мокрый помост, или наскоро сколоченная сцена. На ней горбун с мандолиной.

Волосы слиплись, то ли слезы, то ли невысохший дождь на лице.

Голос Замка

Он — междоусобица между женой и матерью. Сам же Ференц не значит ничего. Фатум безжалостен к избранной жертве.

Горбун поет

Любовь и слава — все ничто
По полю ветром дым развеян
Судьба смеется нам в лицо
Мечты — пустышная затея
Иному ветер в паруса
Другому ряса и тонзура
Так отмечают небеса
Хоть им противится натура
Но Року кто перечить смог?
Над нами он
Над ним лишь Бог

За спиной горбуна танцует раскрашенная Коломбина с саблей. Грим растекся от дождя, картонная сабля размокла, зрелище щемящее и смешное.

Горбун плачет.

Rebell ist Sturm im Nebel

*Мятежник что буря в тумане
Будапешт, год 56-й.*

(камера снимает во всех оттенках между черным и белым. При этом не должно создаваться ощущение документального фильма. Это — естественная палитра легенды)

Глубокая осень.

Дьёрдь Чапеи, один из командиров бригады Тёкёли. К нему подходит Карой Лука, его помощник.

— Что там?

— Два танка и где-то полурота советских, похоже разведка. Больше пока ничего.

Разговор идет на 3-м этаже разбитого дома напротив гастронома на Тёкёли.

(На протяжении всего фильма имена появляются на экране прозрачными колыхающимися транспарантами, как если писать молоком по воде.)

Стоят у окна, внимательно разглядывают улицу.

— Проверяют, похоже, убрались мы, или еще нет.

— А нам что тут делать? Мы уже давно в Триесте, на пещочке с бабами лежим.

— В ноябре?

— Да там весь год море теплое.

Хохочут оба.

Парням еще нет тридцати. Типичные жители предместий, такие есть везде, в портовом районе Марселя или в Шпайхерштадте Гамбурга они были бы массовой, такие как все.

Также улыбаясь, улыбки другие.

Дьердь:

— Тибора с тремя на правую сторону. Цыгана с его парнями на левую, они берут танки. Начинает Цыган с заднего.

— Понял!

— Ты со своими на прежние позиции. Пулеметчиков по окнам, стрелков на крыши, бутылки не берите, гранаты беречь.

— Мог бы не говорить. Улыбается.

— Карой, шутки на потом. Смотри. Первая бутылка от Цыгана, открываешь огонь, потом ты в дыму русских потеряешь, просто отсекайте их, главное, чтоб залегли, а не по домам бросились, тоже грамотные.

— Немцы научили.

Не сдерживаются, смеются оба, но коротко.

— Оставшихся всех ко мне. Пошел!

Карой быстро идет к выходу, но внезапно останавливается и вполборота к Дьердю:

— Слушай, а кто был этот Тёкёли?

Тот пожимает плечами — да князь какой-то лет двести назад вроде. Может, с румынами воевал, может с турками, всех тут хватало.

— Да. Нам уж точно, всех всегда хватало.
Уходит уже бегом.

Какая-то нелепая тишина на улице. Советские танки как стоят, хотя на самом деле стоять они не могут. Пехота разбитыми каплями вдалеке.

Медленно мерцая в воздухе кружится бутылка. Из-под шампанского. И уже мгновенно разбивается о смотровые щели второго танка.

И — взрыв.

И — огонь.

И улица сваливается в бой.

...первый танк сбивает пламя. Делает два-три полных разворота на месте, вращая башней в обратную сторону. Остатки вылетают и сразу бьет из пушки по гастроному, дому напротив, в первое окно, где только что был пулемет.

Пехота залегла не вся, слышна стрельба в домах.

Бутылка Дьердя бьет в корму и почти синхронно с ним еще три по корпусу, башне, все.

Один огромный костер посреди улицы.

Резко, как по команде, стихает стрельба в домах и на тротуарах. Видим, как советская пехота грамотно отходит назад, редко отстреливаясь, главное — темп отхода.

Опять двое на том же месте, стоят курят.

Дьердь сплевывает в сторону горящего остова танка и точно в костер посылает окурок из окна.

Карой внимательно, как заново смотрит на него.

— Ты так не любишь русских? Или коммунистов?

— С чего ты взял? Если бы мы сами придумали коммунизм, я уже был бы главой всей партии.

Смеются. Дьердь резко обрывает смех.

— Сюда пришли Советы — они мои враги, личные. Я буду против них хоть с турками. Придут турки, подружусь с итальянцами.

янцами. Придут итальянцы, мне и Советы помогут, поверь, найду им что сказать. Будут резать друг друга на моей земле? Ладно. Только победителем всегда буду я.

— И страна?

— И Венгрия.

Из дыма как призрак медленно выползает советская самоходка, ее никто не замечает. Дуло подымается. Чуть влево. Еще вверх. Выстрел.

Наших друзей нет.

На разбитой улице, которая вдруг превратилась в театральную сцену, горят ненастоящие дома, лежат большие убитые куклы, горит фанерный танк, чутко и внимательно, так ходят привычные к бою и охоте, идет мальчик лет семи. Он с любопытством смотрит на разбитые танки, на убитых, на оставшихся в живых бойцов.

Одет в детский костюмчик XVII века, и вблизи мы узнаем его — это Имре.

Таким же мы видели его на ярмарке в Алба Юлия. Паренек подходит к стене дома, где погибли Дьердь и Карой и входит в нее. Медленно, за каким-то светом, который горит глубоко глубоко, в невероятной бездне обычной кирпичной кладки. Только теперь мы видим стену замка.

И сам Замок.

Château — II Замок — II

Молитва.

Ave, Maria, gratiā plena
Domīnus tecum
benedicta tu in mulierībus
et benedictus fructus ventris tui
Iesus

Мы не в церкви.

В камере каждое лицо напротив свечи, мужское, женское, детское.

Молится старик-конюший, молится Каталин, молится начальник караула, молится кухонная девушка. Молится Францьк-виночерпий, и даже Гжатка у свечи. Молится она понятно не умеет, но как оцепенела перед ней. Распахнутые глаза такие огромные, что в них вся ночь войдет. Двоих только мы видим перед алтарем — Эстер и барона Мате Переньи. Камера выхватывает каждое лицо из темноты, и ясно сразу, что люди XVI века в молитве были отличны от нас, здесь не прошения у Господа, а приятие — да будет на все воля Твоя — и готовность принять именно свое, им от неба данное.

Лица, лица, лица, а потом снег, закатное солнце, замок.

— Где ты нашел его?

— За рекой, твоя милость, где брод, что на Лецовицу.

— Успел что сказать?

— Турки в лесу, твоя милость, может тысяча, а может и боле. И душу отдал, бедолага.

— Ступай Матей.

Гайдук барона Мате, которого послали на поиски гонца, кланяется и только шпоры по лестнице прозвенели.

Атака.

Она какая-то театральная, но это театр теней и inferно. На ту стену замка, что выходит на Латорицу, с диким воем и криками — Алла! — несутся с полсотни, может больше факелов. Они то рассыпаются, то сходятся рядами и подлетев почти под огонь обороняющихся, веером уходят обратно в сторону гор.

Стена окутывается огненными молниями и дымом, но большей частью впустую, может один — три факела свалятся с коней, но это все.

Акынджи наверняка постоянно меняются, каждый следующий вал несется с той же энергией и воем, только число факелов все время разное.

Круг первый.

Круг третий.

Круг двадцатый.

Круг... да и не важно, какой там по счету. Защитники валяются, их менять то некому, а под прикрытием факелов несутся невидимые черные и стрелы у них меткие.

Во время одной из атак раздаются аркебузные залпы, но уже у стены, что близ церкви и напротив ворот перед замком.

Круг последний.

Ворота выбиты и через них, и через стены турки вваливаются в замок.

Дальше хаос калейдоскопа.

Короткие и длинные черные тени на стенах.

Катится сбитый с ног Францык, его горб пытаются с хохотом и воплями растоптать.

Каталин отбилась от трех турок и, полуголая, смогла спрятаться на кухне.

Гжатка.

В страхе она видит особенно ясно. Руки, которые мнут ее груди, руки, которые раздвигают ее ноги, рты, хрипящие и пускающие слюни над ее глазами.

Потом все смешивается в один водоворот моментов без всякой связи друг с другом.

Занавес падает, в прямом смысле.

И поднимается пред рассветом, когда в эту толпу врывается венгерская конница, подоспевшая из Мункача. Мы видим до подробностей, как вырезают турок, до единого и эта резня кажется бесконечной.

Утро.

На лестнице беззвучно плачет Каталин над Гжаткой, лежащей на коленях горбуна. Девочка мертвая.

Во дворе перед замком стоят барон Мате Переньи и Эстер. То, что вокруг них ни словам ни взором не передается. Но вот их лица, только лица в камере, и они спокойные и чистые ясные глаза.

Замок будет.

Gott schütze den, der unser letzter Freund ist, vor ewiger Qual.

Храни Господь от вечных мук того, кто нам последний друг.

Szidonia

Утро в окрестностях замка Сент-Миклош.

Ранняя весна, но солнечно и чувствуется, тепло.

На поляне стоит палатка, продают всевозможные сладости, детские игрушки, какие-то женские безделушки, платки и прочую мелочь.

Качели, вкопанный столб с колесом наверху и канатами, на которых кружит детвора всех возрастов.

Их матери как замерли.

Мы их видим по очереди, одну, вторую, третью.

У каждой на лице одна и та же счастливая улыбка, но стоят они неподвижно.

В воздухе ощущение не то что праздника, а скорее идиллии.

Некая пастораль, как ее представляли в XVII веке и в то же время ощущение флера, мечты, которая так тонка, что порвет ее даже случайно брошенный камешек.

Камера, плавно обежав круг счастливых матерей, неровными движениями поднимается вверх, как бы вторя человеческому шагу и застывает.

Перед ней женщина, за ней полукругом пять девочек разных лет.

Только они и мы видим ветер в их волосах и платьях, долго.

Потом как рябь на воде и ничего больше нет.

***

Тюремная камера где-то в Австрии.

На кровати лежит женщина, лица ее мы не видим, но страдание ощущается сразу. Над ней парит странный ангел в хламиде и еле видными белыми крылышками.

Шаги за дверью.

Лязганье ключей в замке, дверь открывается с характерным тюремным звуком, заходит тюремщик и недолго просто стоит в проеме и смотрит на нее.

— Графиня Петровински, вставай-ка!

— Ты свободна!

Женщина никак не реагирует.

Ангел тоже.

*Ощущаю страшный грохот
Вод смывающих теснину и ветров неумолимых
Не могу остановить я слезы муки нестерпимой
и сердечной боли
и в мгновенье каждом молю лучшей доли*

*Что ни день растут тоски моей волны
Безжалостным ветром изранено сердце
И разум изломан
Разрушив мне жизнь*

*Не жду ни радости ни счастья
Как утеряна надежда
в ночь и день печалью вспомню о страданиях прежних
и на этом распутье ужасном
только смерть мне не будет напрасна*

Пока читаются эти строки, мы видим только лицо женщины, позади нее размытая каменная кладка, но ясно видны с одной стороны свеча, с другой роза. Читает не она, просто смотрит на нас.

Женский голос слышен эхом за ней.

* * *

Снег.

Хлопья, белый полог до небес и кажется ничего нет на свете кроме снега.

Засыпает замок, церковь неподалеку от замка, двор.

И в этом спокойном, величавом падении раз за разом проглядывает полная луна, отчего видимое представляется не то легендой, не то старой сказкой с Бог весть каким концом.

Чуть слышно шуршание поземки и очень отчетливо — клавишин и, кажется, пение.

Полная мистерия.

В замке сумеречно.

В коридорах горят факелы, в комнатах слуги расставляют свечи.

Что чувствуется, так это покой и умиротворенная тишина, только из главной залы слышится негромкое чтение.

Идет протестантская литургия.

Людей в зале может с десятков, видим мы их неясно, каждый как образ молитвы, таких встречаем на картинах Эль Греко и переводя взгляд от одного к другому нам ясно слышим шелест переворачиваемых страниц.

Единственная женщина в окружении пяти девочек забирает все наше внимание, это Петровци Ката Сидония.

Немолода, красива поздней осенью немногих ярких женщин, для которых время флёр, а не образ.

*Кто ты, что даешь радость
Измученным душам и истосковавшимся сердцам
кто ты что верно защищаешь нас немощных
и обессиленных
Ты Всевышний Господь
Дарующий нам спасение
К тебе взывает тот кто лишь песчинка
Выслушай нас. Тебе ведомы наши страдания и сердце
стенания*

*Посмотри на пылающие раны милостивым оком Твоим
Помоги нам всесильной дланью Твоею
Ты Всевышний Боже
Царь Небесный
Дарующий нам спасение*

Несколько раз начинает звучать орган, но его как ветром задувает.

В конце литургии крыша над залом становится невидимой, и скамьи смотрят просто в звезды. На стене сидит горбун с мандолиной и поет:

*темен флаг другой страны
трупный лик
трава и вены*

*и сквозь флага ткань видны
волчья стая
ночь и стены
в стены бьют снопы огня
пляшут бабки на погосте
очень дивная она
череп есть
— пропали кости
и гляжу я сквозь огонь
а вода в моих глазницах
тело вышло
душу вон
— и по мне взлетают птицы*

Возле него на стене танцует мертвая Гжатка.

Замок:

После нее я как потерял время. Это не была старость, хотя мы тоже стареем, не беспамятство, мы помним все и всегда, а вот времени не было, долго не было.

Кто жил, что с ними было, что происходило вокруг. Как песок из часов высыпали и стекло разбили, как сорвался маятник и облетели стрелки.

Время бывает таким, что его нет, просто нет.

...дарит забвение нам, иногда.

Во время монолога некто идет пустыми залами, шаг неторопливый и четкий. От залы к зале замок наполняется звуками.

Пробежал плачущий ребенок.

Посмеиваясь болтают женщины.

Спорящие мужчины, лязг вынутого оружия.

Застолье.

Никого вокруг нет, но комнаты наполняются светом.

И он, этот свет, совершенно непонятный, то отсветы факелов, то невероятно яркий солнечный день.

* * *

...was ist unsere Wahl?
Zufall und Berechnung

...что выбор наш?
Случайность и расчет

Похоже, что Тренчин в XVII веке был для венгерской и хорватской аристократии тем же, что Баден-Баден или Карлсбад для русских помещиков и немецкой знати в веке XIX-м. А возможно Цюрих или Женева для современной нам дипломатии. У каждого времени своя гавань, пока везде бурлят стремнины и кружат водовороты.

Такой водоворот мы и видим под собой.

С башни Тренчинского Града опускаясь постепенно распахнутым взглядом встречаем одну за другой улицы, площади города, чуть не каждую городскую стену и окно.

Люди, толпы, прилавки, кареты, всадники, одинокие прохожие непрерывно сменяют друг друга в лоскутной карусели.

Здесь все кипит жизнью.

И вдруг часы, кругом одни часы.

Все бьют на свой лад, все переполняет какая-то какофония времени, пока не раздастся один единственный колокольный удар.

И с ним все смолкает.

Гробовая тишина.

Лондон, 1665 год.

Великая Чума.

С экрана просто валит смрад. Собственно, трупов мы не видим, то тут то там валяются какие-то кучи тряпья и гнилого мяса. По чадным улицам бродят полусумасшедшие старухи с фонарями, время от времени выкрикивая:

— Are there any living here?

— Is there anyone alive?

Лицо каждой отдельный шедевр Босха, одеты невообразимо. В большей половине домов двери и окна заколочены, на дверях красный крест и корявая надпись *LORD HAVE MERCY ON US*. Если где-то у такой двери остался городской стражник, он уже мертв.

Дохлые крысы и псы просто посреди мостовых.

И вот на этом фоне неземной чистотой в ярчайшем тумане сияют Тауэр и Вестминстер. Только они почему-то как на небе и совершенно пусты.

Снова Тренчин, приемные покои Катерины Франгепан. Убранство довольно сдержанное, то что через 400 лет назовут стилем high-tech minimalism. Не светская гостиная, но изысканный рабочий кабинет просвещенной аристократки.

— Знаешь дорогая, при всем уважении к тебе, даже не могу представить своей родственницей эту фурию — католичку! Она же просто вылитый портрет Марии Тюдор! Но та хоть была королевой..

Дамы смеются. Собеседница Катерины Мария Сейци, недавно потерявшая мужа и уверенная, что дело не обошлось без австрийского двора.

— Прости милая, но тебе же с ней не жить! Не забывай, какая фамилия у ее мальчика, к тому же, как наверняка уже знаю, он спит и видит, как вырваться из матушкиной опеки!

Дамы некоторое время молчат.

Первой начинает Мария.

— Твоей Илоне уже двадцать два?

Женщины вздыхают.

— Катерина, у Илоны твой нрав и отцовский характер, да и сама как те итальянские статуи, что мы с тобой в Риме видели.

Улыбаются.

— Увидишь, Ференц от нее глаз не отведет и про мать и дня не пройдет, забудет!

— А для нас с тобой...

Смотрят друг на друга и согласно кивают.

— Хорошо.

Катерина встает.

— Сейчас велю позвать Илону.

Большая деревянная лестница уходит в темень.

С нее взлетают голуби, парно, десятками, по одному.

Кружат и улетают в никуда, только медленно опадают белые перья.

Лестница загорается и постепенно удаляясь горит как свеча.

Теперь это лампадка.

Пропадает.

— Ференц, ты женишься?

Ференц не стал отвечать. Мать он знал прекрасно и видел, что решение она уже приняла. Впрочем, предстоящее сватовство его скорее обрадовало, материнскую опеку он уже давно ощущал, как свинцовый хомут на шее.

— Тебе не интересно, кто твоя невеста?

Парень насмешливо пожимает плечами и уходит. Некоторую вольность по отношению к матери он себе позволить уже может.

Музыка, мазурка из балета *Бахчисарайский фонтан* и как фрагмент самого танца в исполнении театра кукол.

Теперь бальный зал в тренчинском замке.

Ференца представляют Илоне.

Поединок на рапирах и скрещенные розы, первое чувство от взглядов, что одаривают друг друга собравшиеся, букет стекла в разбитой вазе? Да нет, что вы! — клубника под сахаром.

Как не посмотри, любой династический брак всегда союз шипа и лилии.

Исключения красивы.

Он и она — один из этих редчайших случаев.

Ференц был одной из тех счастливых натур, которые не редки среди юношей, выросших в суровой материнской опеке; они могут быть искренне уверены в своей страсти, если кто-то убедит, что они ее испытывают и приобретать убеждения, вплоть до жертвенного самоотречения, если встретят того, кто предоставит им идею отваги и жертвы.

Впрочем, любой из нас пакля, кто бы огонька поднес.

Ференц и Илона полюбили верховые прогулки вдвоем, благо красивых лесных дорог в окрестностях Тренчина было

хоть отбавляй. Как наездница Илона ни в чем не уступала юному Ракоци и шуточные состязания, часто довольно рискованные, были обычным делом. Говорили они не часто, сдержанность, которая часто как крышка прикрывает кипящий котел, была в характере Ференца, а Илона была просто тонка, умна и, свойство искупающее все, красива. В мужчинах она разбирается прекрасно и этот юноша, идеальный герой всех рыцарских и куртуазных романов, нравится ей неподдельно. Пылкие кавалеры в большинстве однообразны, волшебное качество, позволяющее не задерживаться в девичьей памяти. Конечно остается свежескровь, но что же, пантеру львицы не пугают.

Февраль метет, февраль морозит, февраль сыпет ледяными искрами, белый, белый февраль!

Зборовский замок, стужа, солнце, музыка.

Наконец-то бракосочетание!

Впрочем, год пролетел мотыльком над лампой, новобрачные дней не считали. Верховые прогулки, купания в термальных источниках, которыми так славен город Тренчин, балы и празднества то в замке, то в городской ратуше, и конечно же чувства! — не каждый календарь за ними поспекает.

И вот он, праздник...

...торжества и великолепия. Венчание проводит сам архиепископ Эстергомский, венгерская аристократия, польская, похоже, только от венского двора никого, но их не особо и ждали.

Расчет порой бывает красив, в естественном смысле.

Софья Батори, Катерина Франгепан, Мария Сейци похоже находят более чем приятным общество друг друга.

Что до Илоны, ей сегодня не до условностей...

...так смотрит молодая власть на старую монархию.

Мира здесь не будет, но вежливое перемирие вполне допустимо, по обстоятельствам.

Ференц крепко, чуть не до боли, держит Илону за руку, но на лице у него только одно — юношеское упоение свободой.

И невеста, и мать где-то далеко внизу, за взмахами крыльев.

* * *

Первая брачная ночь остается за Илоной.

Что до Ференца, опытным любовником он еще быть не может, казаться не желает. И к тому же так увлечен Илоной, что вся наука Лукреции вылетела из памяти, как будто и не было ее вовсе.

Апрель, замок Зборов.

Ференц у себя, внимательно читает письмо, напряжение чувствуется в позе, но лицо совершенно спокойно. Скрип дверей, входит Илона.

— Ференц?

— Да сердце мое?

Письмо сразу в сторону, быстрой походкой идет к жене.

— Я беременна.

Одна рука касается живота жены, второй проводит по лбу и волосам.

Сейчас он не видит ничего кроме ее лица, и его он тоже не видит.

У него будет сын.

Его жена красивейшая женщина в мире.

Когда он родится, Венгрия будет свободна от императора и он в этом деле не из последних.

Славься Господь!

Isten velünk van!

Год 1666 от Рождества Христова.

Страшный год.

III

ДВА АПОКРИФА О САКЕНЕ СЕЙФУЛЛИНЕ

I. Терн от апостола

Люди не умирают за то, в чём сомневаются
Св. ап. Павел

Роман-дневник Сакена Сейфуллина, можно исповедальный роман, и ладная (от слова лад), ритмическая проза и, вы не поверите, книга подвижника в изначальном смысле слова.

Что удивляться? — собственно *подвижник* от слова *подвиг*, не так ли?

К теме.

Поразительно, насколько *Тернистый Путь*, совпадает с *Деяниями Апостолов*, как и присутствуют в нем едва ли не все коллизии распространения христианства в Империи.

Здесь и сам слог, разбитый на краткие и насыщенные живой краской строфы (допустимо и в прозе) вполне так можно сопоставить с *Посланиями* пусть и к *Коринфянам*.

Сейфуллин прекрасно может уложить мысль-действие-эпизод в три предложения и с малой паузой продолжить дальше. Несколько похоже потом писал Хемингуэй в мичиганских рассказах (*У нас в Мичигане*), но у него этот прием больше действовал для отражения немногословия уроженцев Среднего Запада.

Засим продолжим.

В отношении Сакена Сейфуллина менее всего подходит слово — предвзятость. Для апостольской проповеди любой

компромисс естественное зло. И еще одна мысль по прочтении: коммунизм такая же форма религиозного сознания как зороастризм, шаманизм, тенгрианство, но более других — христианство протестантского толка. Говорить о какой-либо философско-политической концепции здесь не приходится. Особенно это видим в первых главах Пути, упоение новой верой и борьбой за ее пресуществление здесь *a tempo di crescendo*.

Вероятно, читателя, особенно не местного уроженца, будут утомлять длиннейшие списки имен всевозможных участников собраний, комитетов, а также сторонников противоположного лагеря от Алаш-Орды.

Помочь нечем, перечисление имен просто необходимо.

В конце концов *Повесть временных лет* или Лекции по русской истории от Ключевского, то еще чтение, в князьях на 5-й странице потеряешься, без волевых усилий и до Ярослава Мудрого не дойти.

Имена помогают по-настоящему войти в атмосферу земли и времени, дают эффект присутствия в событии, а значит без никак, полсмысла книги мимо.

Есть любопытная ассоциация: образно говоря, прогулка по роману Сакена Сейфуллина напоминает знакомство, а после, наверно, и дружбу, с экспозицией Абылхана Кастеева в музее его же имени.

Первые шаги, не вполне уверенные в себе краски и композиция, и чуть ли не дневниковая скоропись начала романа, не спонтанно, но некой природной динамикой обретают свой неповторимый и законченный образ. Так из легкой поземки начинается степной буран, из двух-трех одиноких всадников вдруг образуется лава, и какая сила ее остановит?

Что же, мессирь, пассионарность она такая, что в этногенезе, что в искусстве.

А что сказать об авторе, который *an man as mirror of epoch*, человек как колба времени? Сам автор и сам же герой своего романа сделал вещь, не частую в литературе: его повествование дает нам цельный образ времени как события не одного, но всей страны на тот момент.

Вторым, кого можно поставить рядом (да не смутит сравнение), это рядовой Йозеф Швейк писателя Ярослава Гашека. В отнюдь не простодушном герое великого чеха вся Австро-Венгрия, как под стеклом. Настолько, что любые исторические труды рядом стоят не больше комментариев, читать можно, знать не обязательно.

И знаете, как не смотрю вокруг — равного нет. Ни слова о Николае Островском или Алексее Толстом, в одном случае подростковый дневник, во втором классика жанра по стопам однофамильца.

Не считая Ауэзова, один Садриддин Айни с романом *Рабы*. Но и размах эпох другой и герой не один, одно общее — страна как в зеркале без времени.

Побег, немалая часть романа. И здесь опять не прямые ассоциации с художником Абылханом Кастеевым и итальянским режиссером Бернардо Бертолуччи, фильм XX век. Народный портрет, который редко кому удавался, не только о Казахстане речь и портрет земли, что не каждому пейзажисту по силам.

Разве что Гойя? — особенно в офортах.

Так, в сторону.

Морис Дрюон (министр культуры Франции, надо же. Либо министр, либо писатель, хоть Брежнева вспоминай) написал *Проклятых Королей* вероятно для того, чтобы мы ничего не узнали о самой Франции, Александр Дюма тож.

После Чосера цельный портрет Англии иди сыщи. Дикенса не упоминаем, ибо социология в талантливой художественной форме.

Побег, и вдруг жизнь земли и людей глазами земляка — первопроходца.

Вчитываясь в текст, просто осязаем, как автор режет тему пластами и скибками, как лемех — землю, как крестьянин — хлеб.

И весь степной мир в них.

Покоряет бытовая, обычная ласковость речи, к близким ли дальним.

И мне теперь не нужно видеть юрту, табун, степной буран или жайляу, я их знаю.

Чувствительность поначалу кажется нарочитой, потом привыкая к ней понимаешь, есть иная и возможно более высокая форма мужества, нежели у чероки или любого горца с гранитным личиком.

Религиозные войны самые кровавые и, судя по всему, что мы читаем в главах *Тернового Пути* о последних днях Колчака в Казахстане, догорала именно религиозная война, термин гражданская не боле чем поздняя идеологическая вставка.

Да и откуда *гражданам* взяться в 19-м году?

Слов таких не ведали.

Здесь отчетливо становится ясным, что победить в ней могли только красные, одержимые новой верой, противопоставить им было нечего.

Спустя 20 лет так же было в Испании, а 120 лет тому — в стране Франция.

В подтверждение тезиса: ни в каких войнах с таким упоением не истребляют, просто вырезая священство, как это делали с русскими попами, французскими кюре и испанскими падре.

Разве что в Гражданскую войну Юга и Севера сражались за пару заповедей из Ветхого Завета, разнопонятыми с обеих сторон, и как результат — большинство проповедников к счастью уцелело.

Что же, от Иисуса Навина и до нас без перемен, по Экклезиасту.

При всем неприятии автором Алаш-орды, на черные краски палитры Сакен Сейфуллин не скупится, сквозь текст проглядывает несколько иной образ.

Первое — радикальное отличие казахского национального движения от повстанческой стихии сопредельных территорий. Скорее уместна аналогия с национально-демократическими партиями балтов и Восточной Европы периода *post-world-war*, что вызывает как минимум уважение, учитывая историческую разницу тогдашних политических институтов Казахстана и европейских коллег. Степные ренессансы самая внезапная вещь на свете, так называемая логика прогресса совершенно не о них.

До Великой Хартии Вольностей прошли десятилетия английской смуты, до Соборного Уложения веж не сосчитать, а Великая Яса родилась мгновенно у одного человека и так же молниеносно структурировала территорию, превосходящую Дикий Запад с Аляской в придачу.

Роман заканчивается отрывисто, по-большевистски.

В чем-то книга как горная река с неровным дном, то омуты, то стремнина и перекаты.

А может быть и кюй, именно та замечательная музыкальная форма, напоминающая шекспировские сонеты с музыкой вместо слов, сразу ведущая к пониманию без скачков пытливого мысли.

Не могу сказать, что хорошо изучил этот жанр, но здесь музыку из текста не убрать, она, безусловно, есть и слышима прекрасно.

Ландшафт определяет форму прозы, или как там у Гумилева, Льва Николаевича?

II. Степь, колодцы, классика

«Лермонтов, Куприн, перевелись поручики в литературе — в России? Наверное, — а ты шире смотри».

На кухне

Гемма (*лат. gemma* — «глазок», почка на виноградной лозе). В античности по ассоциации с почками растений «геммами» называли цветные камни узорчатой текстуры. Со временем — только те, которые отличаются блеском, твёрдостью, яркостью и насыщенностью окраски.

Или же *gemmeus* — сверкающий, блистающий, украшенный.

В гостиной

Повесть вспаханных зябей небесных, солончаки с такырами россыпью, трава как водою по полю. Романтика беспроегрешна, реализм ненасытен, а вместе соединить?

Уронив тапки с книжной полки, попробуем набело.

Приличная история литературы содержит в себе, античность в сторону, приблизительно следующее: рыцарский роман, плутовской роман, роман готический, прозу романтизма, а потом пришел Эмиль Золя и все угробил; начался сырой необузданный реализм, с элементами продавленной постели, вчерашнего супа и скупых сантиментов шахтерских поселков и парижских предместий. А после Золя всё зола, костры отгорели и уже ничем не удивиться, не обжечься. А Пруст, а Камю, а экзистенциализм, так сказать?

Так и скажем, что экзистенциализм блудная форма реализма, грязной натурой уже никого не удивить, а высокие душевные надломы уже все Мопассан наломал, братья Гонкур только щепки подбирали.

Авангард? — возможен.

Но только уже клинышками и на папирусе, никакого масс-лита.

Ладно.

Продолжаю о романтике кристального реализма, который вообще говоря появился в русской прозе. Оставив в стороне старину Загоскина и бесменного юношу Бестужева—Марлинского, где мы окажемся?

Правильно, на подворье у Троекурова, а после и в крепостишке, что в оренбургских степях. Ведь что Александр Сергеевич? — взял сразу и поставил на мировую книжную полку готовый русский роман, без вступления и предисловия. Немного поломав перо и наставив клякс (*Княгиня Лизовская*, *Штосс*) полнотою контемпоральной речи и совершенной формой сюжета классический роман продолжил Михаил Юрьевич. *Герой нашего времени* краток, скажете вы? — помилуйте!

А *Над пропастью во ржи* или *Ночной полет* по-вашему что? — саги без Форсайта?

Жанр, конечно, потом угробит Достоевский и обслюнявит Тургенев.

Графа не трогаем, он в чем-то остался верен канонам лицеиста и поручика. Единственная, пожалуй, оплошность Льва Николаевича то, что он разбудил Горького, а Горький это конечно *Мать*, да что там.

Все мы не без греха.

О времени и дальше (*tempus ad fugias*).

Ублюдочные химеры, вроде Пермяка и Батоно, один из русских андроидов с утерянной схемой интеллекта, что пользуется языком по системе IKEA, фавулы тоже от робота-шахматиста.

У второго — атмосфера речи и образов конца XIX века исполнена олеографией тифлисского лубка и балагана города Батума.

И конечно прививка от д-ра Ватсона в зад Хитрова рынка. Что же, Никита Михалков два или три блокбастера снял.

Худшие в карьере, уверен.

Интересной была бы реакция Гиляровского на батону Как-его-там.

В том смысле, сразу в морду или сначала водочки бы налил?

Ладно, что брюзжать? — пишут же люди, и на Москве читают.

Айша от писателя Сейфуллина.

Несомненная заслуга, или — скорее дар Божий и венки не лавром витый, что в то время, когда по стране Советов понеслись красным ворохом агитки Серафимовича, Фурманова и Островского Н., у Сейфуллина стала происходить национальная проза, поэзию рассмотрим отдельно.

Национальная рассматривается в тех смыслах, как французская — от Рабле, испанская — от Сервантеса, а немецкая — пусть даже и братья Гримм, литературная сказка есть самая национальная прозаическая форма.

Что же, от вступления к материалу, итак, *Бэла*, прошу прощения, повесть *Айша*.

...восхитительна уже тем, что она как прерванная кантата, поясню: некоторые из нас в детстве умели читать, кое-кто продолжил и в старших классах, поэтому приведу здесь немногие названия в надежде неутраченной памяти, итак: *Капитанская дочка*, *Станционный смотритель*, *Барышня-крестьянка*, возможно, *Метель* и, конечно — *Бэла*.

А что же дальше, господа? — получается русское пишущее дворянство позабыло о вечно женственном?

Не будем же, в самом деле, Тургенева вспоминать с его девушками, это знаете ли эфемерная фрустрация какая-то, а не девицы из плоти и чувства.

И не тычьте мне Каренину с Ростовою!

Поскольку в лице первой лицезреем портрет бомонда на изломе капитала и энциклопедию грядущей эмансипации, а вторая чудна, но, второстепенна.

Элен Безухову господин граф куда как ярче живописали.

И вот степной глоток под свежим небом — повесть *Айша*.

Повесть кругла, как степной горизонт и солнышко, что по нему катится.

Всякая мелочь быта — схвачена, все интонации песни и речи — подмечены, обычаи и образы — как из живой глины лепились.

И здесь явно прослеживается преимущество комсорга Сейфуллина в отношении поручика и графа.

Бешмет для поручика Лермонтова или черкеска для графа Толстого, *Хаджи-Мурат*, *Кавказский пленник*, если вспомните, были благородной боевой одеждой, но! — так же частью маскарада, спектакля жизни, где им выпала честь принять участие, не то для комсорга.

Соил и камча, чапан и тымак были ему как смартфон — современнику, он от молока был в том, о чем писал и, несомненно, происхождение и образование.

Здесь та же основа, что сделала Чокана Валиханова не только выдающимся разведчиком Российской империи, но и прекрасным историком, этнографом и литератором, по сути, Бажовым, Ершовым и Карамзиным в одном лице.

Описание чеченских аулов, обычаев, характеры самих горцев потрясающи и у Лермонтова, и у Толстого и, возможно, описание обстановки во время первой встречи Бэлы и Печорина — бриллиант в короне русской прозы. Сравнить разве с некоторыми сценами *Капитанской дочери* и *Дубровского*, другое и на ум не идет. Вот только был ли доступен сам дух вещей, их естественный быт внимательному, но постороннему наблюдателю? — как знать.

Потому начало повести *Айша* со сватовством главной героини «...*Последние дни знойного шилде, макушки лета,*

как называют здесь то время, когда травы, кустарники уже тронуты увяданием, а до осени еще далеко-далеко...» ставим на ту же полку уже степной классики русского слова.

Отметим и высокое родство героинь выбранных здесь классиков, *Die Herzen Freileben im Liebe*, как сказал бы, может, и Шиллер. Девичья гордость и сокровенность казашки и черкешенки, сюда же то русское Маши Мироновой, что чувствуешь сразу, а в слова не облечешь. Нечто от неба в них: самозабвенная покорность чувству с полной непокорностью чужой воле и обстоятельствам.

Трагически заканчивается судьба только одной, Бэлы, но то Лермонтов, а значит Фатум и Рок.

Романтика приключения нашей главной героини была бы естественной канвой любой новеллы от Эдинбурга до Сент-Луиса (*Унесенные ветром*), а оттуда до Гаскони и Тосканы. А русский язык Сакена Сейфуллина благодаря тончайшим нюансам диалогов, мыслей самой Айши, былинам и живым сценам, совершенно передает именно казахскую речь и погружает в степной мир так, что не вынырнуть.

Редкий дар, откровенно.

Что до пролетарских и социальных моментов повествования, то они атрибутика времени, не боле. Айше помогают спастись и сражаются за нее пастухи, ее брат и возлюбленный. Но происходит это совершенно так, как Ланселот с рыцарями Круглого стола спасали бы королеву Джиневру. Свое освобождение она находит в рабочем поселке при металлургической фабрике, что же?

Веков так шесть-семь назад героиня укрылась бы в Тампле, под защитой благородных рыцарей-храмовников, или у семи гномов (последнее ближе) как Белоснежка в мире братьев Гримм, вся разница в сугубо темпоральной коррекции.

А приличная по времени красная обертка новеллы что же, для тогдашних выпускников рабфака была необходима и уместна.

«...Последние дни знойного шилде, макушки лета, как называют здесь то время, когда травы, кустарники уже тронуты увяданием, а до осени еще далеко-далеко...» — заканчивается повесть тем же, чем и началась.

Звучит как эпитафия, но нет, мессирь.

Это гемма.

Воля голоса границ не знает и безразлична к наречиям.

Вот Стивенсон, Лермонтов, Сейфуллин, Шотландия, Россия и Казахстан, три цвета времени и слова, почти по академику Виноградову.

Предание о скале Окжетпис, поэма *Тамара*, и как прожить без верескового меда? — невозможно!

Хоть каждый батыр был смел и умел
И целился наверняка,
Но ни одна из пущенных стрел
Не достигла платка.
Редела туча стрелков лихих,
А быстрое время текло...
Но никому покуда из них
С меткостью не повезло.
Лишь искры из камня выбить смогли
Каленые жала стрел.
Крылатый платок, приметный с земли,
Был так же, как прежде, цел.

--

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

..

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

—
Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Оставив к чертям истоки и легенды, неужели не почувствуем удивительное одногласие баллад этой великой троицы? Поэта Стивенсона поэт Лермонтов знать, увы, не мог, но шотландская литература знакома была не понаслышке.

Первый русский перевод Роберта Бернса его и вот, изволите ли видеть:

«...открыл роман Вальтера Скотта, лежавший у меня на столе: то были Шотландские пуритане; я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом...»

Был ли с ними знаком поэт Сейфуллин? — уверен, да, не разумом, так чувством.

Да и знаете, планета наша велика, да много где похожа. Много ли отличий найдем между горными пастбищами Хайленда, Кавказа и Улутау, и вересковыми пустошами Раннох-Мура и кыстау на Сырыарке?

Рок, пожалуй, верней всех названных чувствовал Лермонтов, но Року знаете ли чувственность акынов безынтересна.

Три пули, одна решетка и общее чувство неволи. Лавры к венкам на базаре не купишь.

* * *

Не по мне темницы мерка —
Мне тюрьма сжимала грудь.
Как в неволе вольный беркут,
Я не мог крылом взмахнуть.

* * *

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном

* * *

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу

Как изволите видеть, три классических узника в русской и казахской поэтике, да и собственно, как иначе?

Дворяне, поручики, лицеисты.

Вот знаете, если позволить себе такую вольность и представить на картине художника Кастеева рядом с штабс-ротмистром Чоканом Валихановым Сакена Сейфуллина, в армейском сюртуке, с эполетами поручика Тенгинского пехотного полка и, допустим, на некотором расстоянии Михаил Юрьича после битвы при Валерике, так еще задумается, кому первому *ваше благородие* сказать. Инте-

ресно другое, как вглядываюсь в эти лица на несуществующем полотне, так вижу в первую очередь то, что утеряно и не вернется — *дворянство*.

Ничего общего с аристократизмом, паче зарубежным, иной дух судьбы и крови. И несходящая юность лиц, пусть одному 44, другому 30, а третьему вообще 27. Ничего необычного, господя.

Пророкам и демонам стареть не пристало.

СОДЕРЖАНИЕ

Рустем Жангожа. «В пестром плаще скомороха» 7

I

Утро в пабе	9
«Я нахожу найденные вещи...»	10
«Желток...»	11
«поставлю с утра Альбини...»	12
«Тепло...»	13
«бутыл гитара?.. нет Верлен...»	14
«леди...»	15
«никто не проснулся...»	16
«спит бульон.. пардон Болонья...»	17
«виноваты? — молоток и гвозди...»	18
«Алкоголь не проблема, проблема в другом...»	19
«умру коты на крышах взвоят...»	20
«на средиземных берегах в Малаге...»	21
«я слышу внутри голоса...»	22
«в голову залетают разные птицы...»	23
«если ночью свет внезапный...»	24
«слова вертикальны как кольца...»	25
«люблю прощания и слезы и платочки...»	26
«Улицы просеяны мукою...»	27
«декабрь — декада...»	28
«Грядет 17-й, грядет...»	29
«окончен бал дождрали апельсины...»	30

Памяти Саши Черного	31
«Придут ли сны любви случайной...»	32
«фрэг...»	33
«Вера Холодная хладно ходила по студии...»	34
«нужен ли мне Есенин?..».....	35
«Жил как-то поэт...».....	36
Амурскія волны	37
«не знаю жизнь не спорю о культуре...»	38
«вымой мир до молчания...»	39
Проба эстетики.....	40
«ну что за глупая весна?..».....	41
«надо в Прагу нам, подружка...».....	42
«Оставим Марли слово “если”...»	43
«есть мир, планеты, звездный ход...»	44
«мишка косолапый...».....	45
«когда Солнце уйдет я на небе усну...».....	46
«Кто она?...».....	47
«когда бессмысленность всего...»	48
«не раскаяние но легкая печаль...»	49
«Клементина из Сорренто...».....	50
«мне не желанное желание...».....	51
«деревянный мундир...».....	52
«забавно в радость голоса...».....	53
«тёрпко, папоротник, мята...»	54
«во что я верю?..»	55
«мультфильмы, детские впечатления...»	56
«мне не мечтается не спится и не грезится...».....	57
«мой батя был плотник бухал как скотина...»	58
«...сегодня валим из Эдема дозреют яблоки без нас...».....	59
«я посещаю жизнь периодически...»	60
«мне говорят что сердце в струнах играет арфой...»	61
«что знаю я о том чего не знаю?..»	62
«месса валькирий...».....	63

«Любимой быть не труд а дар...».....	64
«я молюсь...».....	65
«в тени на свету не уверен что важно...»	66
«труба апостола ночного включает свет в раю с утра...»	67
«и далее предложены напитки...».....	68
«...розовая мебель...»	69
«представь...».....	70
«странствующие слоны на пуантах...»	71
«таланта я не вижу в мастерстве...».....	72
«все простыни постели смяты...».....	73
«прощайте Ленин мне не было с вами скучно...».....	74
«плывем по маркесу...».....	75
«работаю интерпретатором Эхила...»	76
«соединю соединим...»	77
«мы любим ошибки и рваный сюжет...»	78
«молодое лето стывая весна...».....	79
«...графский плющ...»	80
«по касательной к месту и времени...»	81
«Мир гавкает как стая дворовых...».....	82
«ну разве так...»	83
«октябрь — Рим? Октавиана запах...»	84
«хочешь кофе подружка?...».....	85
«с неба падают неслышно...»	86
«в Австралию друг мой в Австралию!...»	87
«предпочитаешь утро? — да...».....	88
«летают галки стаей...»	89
«далай-лама Ё Сен Тук живет на Гаити...».....	90
«Что есть створка Двери...»	91
«святое мне...»	92
«Подохли кролики морковка отсырела...».....	93
«зачем река...»	94
«Со сцены не сошел...»	95
«черное легкое улыбается дыму...»	96

«ни шанса случаяю...».....	97
«кулаком в ладонь...»	98
«...боги спотыкаются в дороге...».....	99
«а что сейчас там в Иль-де-Франс?...».....	100
«...где нолито там налито не сцыте...»	101
«есть у слова — завтра — два оттенка...».....	102
«хлеб вино шоколад...».....	103
«когда смотришь внимательно...».....	104
«они были маленькие любовники...».....	105
«что осень нам мой друг...».....	106
«Мы вернемся к колодцам как прежде...»	107
«Кому это нужно...»	108
«Ты балуешь меня а я стою?...»	109
«Пошел бы в консулы да Рим куда-то делся...».....	110
«жизнь полезна для птиц и возможно дельфинам...»	111
«смешно писать под кофе и с утра...».....	112
«ты хочешь уйти из Нанкина?...»	113
«к Тенгри на латыни...»	114
«баржа Париж а в ней Ришар...»	115
«у ангелов крылья стальные...»	116
«Нетрезвым росчерком по небу...».....	117
«Святые выглядят как смерть...»	118
«Я живопись люблю...».....	119
«Вчера ещё не наступило...»	120
«Что мне? Бутылку Боттичелли...».....	121
«устали вечер и погода...»	122
«стоп полёт! мы мимо цели...»	123
«Шутом уметь не быть...»	124
«Может верю в простое кино...».....	125
«шакалы жрут объедки рыси...»	126
«ходит бродит человек...»	127
«...у меня и Вестминстера нет...».....	128
«серп луны подрезал склоны...»	129

«снег любит бесхитростных...».....	130
«негр на подносе кофе подносит...».....	131
«слово “любовь” происходит от мягкого знака...»	132
«любовь не любит лиц ей так обычно...».....	133
«баллады грустят блюз не весел...»	134
«Не стоят дни мои труда...»	135
«они желают...».....	136
«китайская тушь шелковая бязь иероглифы...».....	137
«сентиментальность...»	138
«Ma cher хочю эклер но в Sent-Denis...»	139
«Корона крест...».....	140
«под столом мудрый волк...»	141
«Когда-нибудь в эпоху Мейдзи упадем...»	142
«нет слова — нет...»	143
«какие там были духи?...»	144
«Нужно слушать французов...»	145
«пожрать как жить...»	146
«маслины финики и все прованским маслом...».....	147
«...мы образ создаем стремясь к живому...».....	148
«Не уйти от примитива...».....	149
«Светлеет. Воздух сам хрустит...»	150
«покупаю набор бутербродов...»	151
«Почему не назвали Такеши...»	152
«Живая практика идиотизма...»	153
«Чайки вышли из кармана...»	154
«открытый вынос ресторана...».....	155
«палое солнце в усталой воде...»	156
«победы странная свобода...»	157
«что делать мне?...»	158
«мои цветы не знают зла...»	159
«доброе счастье старой планеты...».....	160
«не грезит явь и сны напрасны...»	161
«Трагедия жива где дышит смех...»	162

«сегодня целуются демоны...»	163
«лабиринты солнца греют...»	164
«лили бы кровь...»	165
«Ваза с фруктами. Дневник...»	166
«Монголия синяя от синема...»	167
«Мы странные...»	168
«На подоконник сяду свесив ноги...»	169
«Музыка конечно останется...»	170
«бремя трупов время мертвых...»	171
«цветная тушь бумажный лист...»	172
«Тухлая старость...»	173
«по утру всплывают трупы...»	174
«Бронза и медь...»	175
«беглые лошади кирпичные стены...»	176
«где ты берег золотой...»	177
«опять среда и время домиком...»	178
«ее зовут Tina...»	179
«кусай яблочко Ева...»	180
«Пройдемся? по крышам слепого метро...»	181
«Мальборо кола кино...»	182
«иногда ведь не нужно читать...»	183
«эскиз набросок...»	184
«ковыль. обычный как планета степной и серый...»	185
«По щебню и гальке камням и в пыли...»	186
«Проходят слёзы как бомбежка...»	187
«Они — настоящие...»	188
«помолюсь с утра и может...»	189
«Смех рассыпал...»	190
«откинув фрак налью стакан перцовой...»	191
«маятник с кукушкой спят...»	192
«Ноль минус ноль равно один...»	193
«может стоит помолиться?...»	194
«Наполовину женщину не славят...»	195

«зимним утром...»	196
«флюс Фассбиндера...»	197
«садится в трамвай человек умирающий...».....	198
«туманности и звуки...»	199
«lacrima omnia dolore sancti...»	200

II

Кинороман.....	203
----------------	-----

III

Два апокрифа о Сакене Сейфуллине.....	251
---------------------------------------	-----

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована в 2023 році

Артур Новіков
СКОМОРОХ БЕЗ МАСКИ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60x84 1/16. Наклад 150 прим. Зам. № 2649

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 17

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 14.01.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

АРТУР НОВИКОВ родился в ноябре 1963 г. в Киеве. Самые яркие воспоминания детства — годы, проведенные с родителями в Алжире, отец преподавал в военном училище. Африка, муэдзины по утрам, французский язык и арабские сверстники. Потом Одесский Электротехнический Институт связи им. А.С. Попова. Далее работа в Киеве, стажировки в Питере и — Советская Армия. лейтенант Новиков служил в белоцерковском гарнизоне. Первое стихотворение было написано 29 сентября 2011 года. Стихи публиковались в журнале «Крещатик».

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ОВДОРОВА**

